

Денис
Бурмистров

АНОМАЛИЯ

Денис Бурмистров

Аномалия

«Денис Бурмистров»

2012

Бурмистров Д. Е.

Аномалия / Д. Е. Бурмистров — «Денис Бурмистров», 2012

ISBN 978-5-271-45403-5

Необъяснимая катастрофа превращает маленький провинциальный город в аномальную зону – объект «Медуза», полный опасностей и загадок. Правительство закрывает город от внешнего мира, но сквозь кордоны и блокпосты то и дело проникают инсайдеры – люди, по разным причинам вынужденные зарабатывать на контрабанде ценных артефактов. Но что на самом деле произошло с городом? Что за странные существа населяют теперь его улицы? Что скрывают смертельно опасные Янтарные Поля? То, с чем не могут справиться ученые, придется решать бывшему жителю запретного города, а теперь инсайдеру Виктору Куликову.

ISBN 978-5-271-45403-5

© Бурмистров Д. Е., 2012

© Денис Бурмистров, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	31
Глава 7	39
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Денис Бурмистров

Аномалия

Пролог

Эти двое пришли со стороны Холма. Пришли не по новому тракту, а по заброшенной тропе. Уже это, само по себе, было странным. Любой новичок знает, что после того, как старый Сыч уволок Сердце Медузы, тропа стала смертельно опасной для человека. Что-то незримо изменилось в уже привычных и знакомых ловушках. Они сместились, стали страшнее, опаснее.

Свою утрату Медуза восполняла человеческими жизнями.

А Сыч выгодно продал Сердце, ушел из инсайдеров, уехал в Столицу. Ему завидовали, его проклинали. Но на самом деле мало кто винил Сыча в случившемся – такая судьба, возможность сорвать куш, снилась почти всем, идущим за Периметр.

Пока что мечта так и осталась мечтой, никому подобного повторить не удалось.

А многим уже и не удастся.

Незнакомцы тащат что-то тяжелое, круглое, завернутое в брезент. То толкают, то пытаются катить. Им неудобно, они устали. Один высокий, с накинутым на голову капюшоном серой плащ-палатки. Второй – абсолютно лысый, с платком на грязной шее и косым шрамом через всю щеку. Идут рядом, часто оглядываясь.

Они оба отлично видны в оптический прицел, к которому прильнул человек по кличке Кот.

Остановились. Лысый сел на землю, спиной прислонился к своей ноше. Высокий уперся руками в колени, переводя дух. О чем-то негромко переговариваются, устало поводя плечами.

Теоретически, по этой тропе возможно ходить. Медленно, очень осторожно, но возможно. Впрочем, такие меры предосторожности лишь немного увеличивали шансы добраться живым. Это с учетом, что ловушки вообще предоставляют какие-либо шансы.

Среди инсайдеров ходили истории о том, как новички буквально пробежали эту тропу без единой царапины и как пропадали умудренные опытом старожилы. Но даже те, кто единожды испытал судьбу, не могли быть уверены в повторной удаче. Медуза так или иначе делала свой выбор и далеко не всегда в пользу человека.

Более пяти лет этой дорогой практически никто не пользовался. Мало кто хотел играть в русскую рулетку с неизвестностью.

Кот вновь прильнул к оптическому прицелу «винтореза», рассматривая людей и шар.

Незнакомцы по-прежнему о чем-то разговаривали. Кот силился увидеть лицо второго, высокого, с капюшоном на голове, его движения казались инсайдеру знакомыми. Но высокий стоял спиной, держа винтовку на сгибе руки.

Неожиданно взгляд лысого остановился на окне. Глаза нехорошо сощурились, он заметил затаившегося стрелка, резко толкнул товарища в плечо. В ту же секунду люди разметались в разные стороны, скрывшись за остатками бордюрного камня. Блеснул прицел оптики.

Кот упал на пол, отщелкнул предохранитель винтовки. Задержал дыхание, прислушиваясь.

Тишина.

Осторожно переполз к соседнему окну, пачкая осыпавшейся штукатуркой черную форму. Затаив дыхание, приподнялся, выглянул на улицу.

Дорога была пуста. Пуста, словно и не было на ней никого.

Глава 1

Это случилось десять лет назад.

За окном распускался май. Яркое весеннее солнце слепило глаза, нагревая сквозь большие окна приборную панель до состояния плавления. Сочные ароматы цветущих деревьев заполняли собой кабину тяжелого грузовоза, летящего по прямой, как стрела, автостраде.

Виктор Куликов, статный молодой человек тридцати лет отроду, с пшеничного цвета шевелюрой и конопатым носом, мечтательно улыбался, ощущая высунутой из окна ладонью упругое давление встречного ветра.

Они возвращались домой после трехмесячной командировки в пыльную Азию. Заработали денег, опробовали новые маршруты. Сейчас за спиной грохотал тент пустого кузова, а впереди маячила перспектива двухнедельного отпуска в кругу друзей и близких. И уж это время Виктор проведет на все сто!

Что может быть лучше хорошего отдыха после тяжелой, но удачно выполненной работы?

Каждый раз, подъезжая к окраинам родного города, Виктор тешил свою фантазию возможными переменами, которые могли бы произойти за время его отсутствия в Городе. Что нового построили? Что снесли? Какие вывески, афиши, витрины украшают теперь улицы? Как встретят родные?

Если честно, никогда ничего не менялось. Город, тяжеловесным монолитом высившийся на горизонте, с неохотой вбирал в себя новое. Обычная провинция, в которой прогресс не торопился наступать на пятки сложившемуся укладу жизни.

– Иван, – окликнул Виктор своего напарника, вечно угрюмого сибиряка. Тот, в растянутой тельняшке, с лицом истукана острова Пасхи, крутил огромный руль своими огромными ручищами. Обычно молчаливый, Иван насвистывал себе под нос что-то жизнерадостное.

– Чего тебе?

– Смотрю, тоже настроение поднялось?

– Хорошо, – утвердительно протянул сибиряк, мотнув чубом в сторону проносящейся за окном зелени, – Люблю весну.

– Может, музыку включить?

– Да ну ее. Когда сердце поет музыки не надо.

Магнитола поломалась еще неделю назад. Она исправно крутила диски, но радио отказывалось работать наотрез, наполняя кабину многотонной фуры шипением и треском. Решили оставить ремонт на потом, благо до конечной точки маршрута оставалось всего ничего. Единственным минусом было наличие всего трех дисков, два из которых составлял любимый Иваном шансон, да отсутствие какой-либо информации о происходящем в мире.

Время перевалило за полдень, когда на обочинах стали попадаться припаркованные машины дальнбойщиков. Обычно караваны останавливались для отдыха возле автозаправок и постов патруля, но здесь, в пригороде, такого не случалось никогда. Более того, чем ближе к Городу, тем больше их становилось. К огромным грузовикам присоединились легковушки всех мастей, тут и там Куликов разглядел раскинутые палатки.

Наконец машины замелькали за окном сплошной колонной, а еще через несколько минут Иван сбросил скорость и остановился.

Они очутились в непролазной пробке почти на самом въезде в Город.

– Что за херня? – пробасил Иван, – Витя, сходи, посмотри.

– Не вопрос, – Куликов схватил засаленную куртку и спрыгнул на проезжую часть.

Пробка, растянувшаяся на несколько километров, оканчивалась импровизированным блокпостом. Дорогу преграждали три бронетранспортера с расчехленными пулеметами. За ними – наспех сбитый шлагбаум, вооруженные солдаты с нашивками внутренних войск. Тут

же стояли крытые армейские грузовики с черными номерами, чуть поодаль – две машины дорожной полиции.

На обочине, ближе к лесу, раскинулся целый палаточный городок, обнесенный колючей проволокой.

Между блокпостом, автомобильным затором и оцеплением из солдат бродили, гудя как пчелиный улей, недоумевающие водители и пассажиры.

– Что случилось? – окликнул Виктор худого старика, стоявшего возле кособокой «пятерки».

– Не пропускают никого, – старик перекинул сигарету из одного угла рта в другой, – Говорят, что Город на карантине. Говорят, что скоро все образуется, но пока всех отсылают в объезд.

– А что за карантин? – Куликов начал волноваться, – Может, учения?

Старик лишь отмахнулся.

Побродив еще некоторое время возле блокпоста, безрезультатно пообщавшись с военными и выслушав кучу невероятных версий от напряженных людей, Виктор вернулся к своему грузовику.

Замечательный майский вечер они с напарником провели в опостылевшей кабине. Потом прошла ночь, во время которой над колонной машин летали вертолеты и раздражали ярким светом прожекторов.

Утром, невыспавшиеся и злые, Иван и Виктор вновь отправились к блокпосту.

– Граждане, проезд закрыт и в скором времени открыт не будет, – усталый офицер с осунувшимся лицом смотрел на собравшуюся толпу с той стороны шлагбаума. За его спиной маячили автоматчики, – В Городе чрезвычайная ситуация, он оцеплен военизированными силами. Любые попытки проникнуть сквозь оцепление незаконны и будут пресекаться.

– У меня там семья! – выкрикнул из толпы тучный мужчина в кепке, – Что с ними?

– Граждане, – севшим голосом заговорил офицер, силясь перекрычать гомон, – Севернее, в десяти километрах отсюда, расположен спасательный лагерь. Там находятся те, кому временно пришлось покинуть свои жилища. Им оказан теплый прием, горячая пища и необходимая медицинская помощь. Все, у кого родственники в Городе, могут найти их там.

– А что случилось-то? – еще один выкрик из толпы.

– Я не уполномочен делать заявления. Все узнаете позже.

У офицера что-то еще спрашивали, но он, как заезженная пластинка, повторял одно и то же. В конце концов, Иван дернул Виктора за рукав, пробурчал: «Поехали в лагерь, тут нет смысла торчать».

Грузовик летел по объездной трассе скоростным болидом, не обращая внимания на возмущенные клаксоны.

Виктор старался не накручивать себя раньше времени, но к тому времени, когда за очередным поворотом показались ярко-оранжевые крыши палаточных шатров, не находил себе места.

Сибиряк мастерски вырулил на обочину, паркуя фуру между машиной «скорой помощи» и мобильным штабом МЧС. Еще не успел заглухнуть двигатель, как Куликов уже выпрыгнул из кабины и побежал в сторону лагеря.

Вокруг царил самый настоящий хаос. Между палатками бродили растерянные люди, одетые кто во что. Кто-то кого-то искал, громко выкрикивая имя, кто-то на повышенных тонах разговаривал с вооруженными военными. Испуганные дети жались к родителям, кутаясь в армейские синие одеяла. Возле передвижных бочонков полевых кухонь случилась давка, которая переросла в скоротечную драку.

Судя по одежде и поведению, все эти люди оказались в палаточном городке в спешке и не по своей воле.

В воздухе витали нервозность и страх.

Ближе к центру лагеря все чаще стали попадаться сотрудники МЧС, палатки экстренной помощи и закрытые купола с высокими антеннами радиосвязи.

Здесь Куликов поймал за рукав женщину в белом халате, спросил с мольбой в голосе:

– Простите, я родных ищу, из Города.

Женщина лишь указала на одну из палаток, возле которой, на столбе, белели длинные бумажные листы с колонками фамилий.

В списке Куликов обнаружил имена матери и младшей сестры, а также номер палатки.

Сестренка долго висела на шее радостно улыбающегося Виктора, всхлипывая и целую небритую щеку. Потом Куликов обнимал мать, она заметно постарела с момента их последней встречи.

В шатре, куда определили семью Куликовых, коротало время еще десять горожан. На каждого приходилась кровать и небольшой ящик для личных вещей. Впрочем, вещей, кроме документов и денег, практически ни у кого с собой не оказалось.

– Так что произошло-то, Нина Васильевна? – наконец спросил Иван, наблюдавший за воссоединением Виктора с семьей.

– Да, – подтвердил вопрос товарища Виктор, – Что за чрезвычайное положение?

– Никто ничего толком не знает, – ответила мать, – Пять дней назад, ночью, за Городом что-то взорвалось, что-то большое. Говорят, самолет упал. Но взрыв был такой силы, что дом качнуло. Почти сразу же в ту сторону уехали пожарные машины, мы по сиренам слышали. А, когда рассвело, увидели, как с той стороны по улицам, наступает густой рыжий туман.

– Что за туман? – удивился Виктор.

– Если рыжий, значит какая-то химия, – хмыкнул Иван.

– Я не знаю, – пожала плечами Нина Васильевна, – До нас туман не добрался, но вот весь центр и промышленную зону он накрыл очень плотно. Мы все только по слухам, да по обрывкам разговоров знаем. Вчера солдатик один рассказывал, что в туман, как в воду, уходили спасатели, пожарные, врачи, военные и милиция. Попытались эвакуировать тех, кто попал в эту странную зону. Но назад вернулись единицы, да и тех описывают как безумцев с бельмами глаз и капающей из перекошенных ртов слюной. Потом началась паника, никто не знал что делать. Власти не стало, отрубили свет и воду. По ночам со стороны покрытых туманом кварталов доносились страшные крики и непонятные звуки. Иногда выходили люди, которых тут же забирали к себе военные. Было очень страшно.

Виктор погладил мать по плечу.

– Потом всех начали спешно эвакуировать. Сначала тех, чьи дома были ближе всего к этому эпицентру, потом остальных. Но все происходило крайне медленно. Спасатели говорят, что не хватало машин, вертолетов, средств. Тем, кто мог сам покинуть Город, предлагали временно уехать к родственникам. Многие уезжали, уходили, побросав вещи и квартиры. Говорят, что строят стену – Периметр, чтобы блокировать зараженную зону.

– Зараженную чем? – спросил Иван.

– Кто бы сказал, – развела руками мать Виктора, – Вчера всем проживающим в лагере объявили, что им присваивается временный статус беженцев, что в городе произошла экологическая катастрофа, что ничего страшного, скоро все наладится. Но пока, милые граждане, придется пожить где-нибудь в другом месте, до особого постановления. Когда будет это постановление пока сказать точно невозможно, ситуация сложная. Желаящим предоставят места в военных общежитиях, а также летние домики в старых пионерских лагерях.

– Мда, дела, – протянул Виктор, – Даже не знаешь, за что и хвататься.

– Я тете Любе позвонила, – сказала Нина Васильевна, – Она согласилась приютить на время.

– Что, совсем ничего хорошего ждать не стоит? – Куликову не хотелось покидать родные места, – Ничего утешительного не рассказывают?

– Всякую чертовщину рассказывают, – отмахнулась мать, – Туман, говорят, уже рассеялся, но от этого легче не стало. По ту сторону кордона народ пропадает, какие-то жуткие твари нападают. Над горизонтом марево голубое светится. Мы с Катюхой видели, как в город несколько танков и бронетранспортеров ушло. Назад не возвращались. Каждый день вертолеты раненых вывозят. Но нам так ничего не объясняют, военные и спасатели лишь отмахиваются, молчат. Что ни о чем хорошем не говорит. Так что, Витенька, ничего утешительного. Как бы ни хотелось в это верить.

– Тогда нужно ехать, – Виктор посмотрел на напарника, – Ваня, ты как?

– А что я? – сибиряк почесал щеку, – Фирма наша, вместе с Городом, тазом медным накрылась, так что тут меня больше ничего не держит. Давно хотел на родину махнуть.

– На том и порешили, – Куликов, заботливо посмотрел на родных, – Вам собратъся долго?

– Да чего тут собирать, – мать рассеянным жестом обвела нехитрый скарб, – Что успели схватить, то и так в сумках.

– Тогда давайте перекусим и в дорогу, – закрыл тему Куликов, – Вещи к машине я отнесу. Авось через недельку-другую все наладится.

Он хлопнул Ивана по плечу, и они вышли курить на улицу.

Надеясь на скорый конец этой истории, никто не знал, что произошедшее – только начало.

Глава 2

Виктор сидел в дальнем углу рюмочной, задумчиво крутил в руках стакан с дешевым коньяком. Полумрак заведения стирал лица находящихся в зале, превращал их в призраков, в теней, оставшихся после живых.

Из стареньких колонок тихо выплескивался кабацкий шансон, оставаясь где-то за гранью восприятия, словно шелест листьев в дождь. Одинокая пара танцевала в центре зала, шаркая ногами.

Куликов сидел, погрузившись в себя. Он только что получил расчет, мог позволить себе немного шикануть. Сегодня он выбрал селедку-под-шубой, блюдец с лимоном, графин с томатным соком и триста грамм коньяка.

Впрочем, тяжелые мысли о необходимости вновь искать работу никуда не делись. Как же опостыло все!

Жизнь так и не вошла в свое прежнее русло. Никто не хотел брать на работу бывших «беженцев». Никто не хотел связываться с теми, кто нес на себе загадочную печать покинутого Города.

Потому как странностей с ними действительно хватало.

С теми, кто пережил рыжий туман, происходили страшные и непонятные случаи. Кто-то из них навсегда застревал в стенах домов, просочившись сквозь каменную кладку. Их приходилось потом вырубать из бетона словно тушу мамонта изо льда. Кто-то самовоспламенялся, сгорая за доли секунды дотла. Кто-то вдруг взрывался, раздувшись воздушным шариком. Некоторые просто исчезали. Уходили из дома и не возвращались.

Все это муссировалось в телепередачах, в кино, в книгах. С неосторожной подачи одного политика беженцев стали называть «зараженными». Их стали бояться.

Практически каждому работодателю Виктору приходилось доказывать, что в то злополучное утро его даже не было в городе. Он собрал целый ворох справок от докторов всех мастей, подтверждающих его отменное здоровье и отсутствие отклонений от нормы. Тщетно. Сотрудники кадровых отделов лишь вежливо кивали, обещали позвонить на будущей неделе. Это в лучшем случае. В худшем – просто говорили: «Для „зараженных“ работы нет».

Не наладилась и ситуация с Городом. Власти окончательно закрыли его, тем самым дав понять, что возвращение прежних жителей невозможно. Небольшие дотации, выплачиваемые правительством, вскоре иссякли и оставшиеся не у дел «беженцы» остались предоставленными сами себе.

В то время Виктор наделал много ошибок, находясь на грани отчаяния. Ввязался в темное дельце, был ловко «кинут на деньги». Слишком жестко прошелся по обидчикам. В итоге пришлось даже временно покинуть страну, скрываясь и прячась.

Потом недолгая жизнь нелегала. Новые знакомства. Проблемы с властями. Вступление в Иностранный Легион. Два года ради надежды на большее. Разочарование. Ложь и подлость сослуживцев. Драка. Карцер. Позорное дезертирство.

Сдаваться в эмиграционную службу Виктор пришел уже угрюмым и нелюдимым одиночкой, который тяжело сходил с людьми и с подозрением принимал любую помощь. Таким он вышел из самолета на родной земле. Таким вернулся домой. И вновь окунулся в серость и беспросветность будней «зараженного». Но Виктор, сцепив зубы, терпел. Брался за любую работу, где не спрашивали кто он и откуда. Разгружал вагоны, валил лес, таскал навоз на дачных участках. Естественно, о личной жизни не шло и речи. Зато нашлась «истина в вине».

Жизнь легла на дно и медленно задыхалась в грязи.

Виктор сделал большой глоток коньяка, бросил в рот дольку лимона. Тяжело опустил голову, закопавшись пятерней в волосы.

Человек в дорогом пальто, пристально наблюдающий за Куликовым последние десять минут, поднялся из-за соседнего столика, оставив недопитую чашку кофе. Целеустремленно пересек зал и, выплыв из густого табачного дыма, решительно сел за столик Виктора.

– Место занято, – угрюмо произнес Куликов, не поднимая головы.

– Зачем обманываешь? Никого ты не ждешь, – голос у человека оказался ровным и спокойным.

Виктор поднял взгляд. Прищурившись, уставился в серые глаза незнакомца.

Мужчина выглядел лет на сорок, поджарый, словно бойцовская собака. Пальто на груди расстегнуто, под ним черная шелковая рубашка, купленная явно не на развале. Ведет себя вальяжно, раскованно. Человек, знающий себе цену.

– Меня зовут Стас. Я хочу предложить тебе работу.

Виктор усмехнулся.

– Что, вот так сразу? Криминалом не занимаюсь.

– С чего ты взял, что я тебе криминал предлагаю?

– А по иному делу ты бы не обратился к первому встречному.

– А ты именно нужный мне первый встречный, – Стас склонил голову на бок, – Слышал о Медузе? Слышал о том, что сейчас в ней творится?

Виктор неопределенно пожал плечами. Все слышали про Медузу, про объект «Горгона», как называли ее в официальных СМИ. Именно эти имена теперь носила та часть Города, которую обнесли периметром. Именно там в свое время клубился рыжий туман.

Про Медузу много чего писалось, снималось и говорилось. Но информация была большей частью противоречивая и непроверенная, поэтому Виктор не воспринимал ее всерьез. Относительно точно он знал, что по периметру все оцеплено армейскими силами, выставлены посты и протянуты многие километры колючей проволоки и бетонных заборов. Несколько научных экспедиций работают в Медузе, расположившись в заброшенных домах, но посторонним допуск внутрь запрещен. Новости о работе групп внутри охранного периметра напоминали сводки с передовой, то и дело извещали о гибели людей.

– Про Медузу слышали все, – уклончиво ответил он Стасу, – А про то, что в ней делается, я не задумываюсь. И без нее проблем хватает.

Стас согласно кивнул. Вытащил из кармана пальто пачку дорогих сигарет. Неторопливо открыл, закурил. Протянул сигареты Куликову. Виктор покачал головой, отказываясь.

– А что, много проблем? – сквозь сизый дым спросил мужчина.

– Если я для тебя не первый встречный, то ты сам все должен знать, – буркнул Виктор.

Что-то звякнуло о крышку стола. Куликов краем глаза заметил движение, повернулся, пригляделся.

На грязной доске лежал небольшой матовый диск, не то из металла, не то из пластика. Размером с крупную монету, чуть выпуклый с обеих сторон. По поверхности, с разной частотой, пробегали кроваво-красные значки, больше всего похожие на арабскую вязь. Неосознанно Виктор коснулся пальцем диска. Удивился, какой он теплый и упругий.

– Что это?

– Заинтересовался? – Стас довольно заулыбался, – Черт его знает что это. Мы называем «мигалками». Но главное не что это, а сколько она стоит.

– И сколько?

– Э, брат! Если считать по курсу, то тебе хватит на то, чтобы поить весь этот шалман в течение месяца.

Он пододвинул диск ближе к Куликову:

– Бери, дарю.

Виктор оценивающе посмотрел на улыбающегося собеседника.

– С чего бы такая щедрость?

Стас кивнул на принесенную барменом Куликову стопку с водкой.

– Это, – он указал на спиртное, – Не единственное, что осталось в твоей жизни, брат. Я знаю, что такое быть «за бортом». Потому не буду ходить вокруг да около. Слышал об инсайдерах?

О людях, незаконно работающих в Медузе и таскающих оттуда всевозможные запрещенные артефакты, говорили всякое. Как и все, имеющее отношение к «Горгоне», инсайдерам приписывали целый спектр определений – от мародеров, авантюристов и воров до первопрходцев, исследователей и просто отчаянных ребят. Эти люди выкладывали неофициальные предложения на растущий рынок спроса аномальных диковинок. Естественно, такой вид заработка не мог нравиться официальным властям, с инсайдерами боролись по мере сил и возможностей. Но, судя по всему, не очень успешно.

Более полной информации об инсайдерах Виктор никогда не искал, резонно полагая, что они вряд ли сильно отличаются от обычных контрабандистов и браконьеров.

– Слышал, – не стал отпираться Куликов.

– Не хочешь попробовать?

– Попробовать что?

Стас чуть подался к Куликову.

– Попробовать заработать хорошие деньги. Без обмана.

Виктор усмехнулся, глотком осушил стопку. Его взгляд остановился на лице Стаса.

– Сам-то ты кто такой?

– Я? Я представляю интересы одного человека, который ведет небольшой, но прибыльный бизнес, связанный с Медузой. Я ищу для него людей, которые справятся с необходимой работой. Людей, способных ходить за Периметр и выносить оттуда полезные вещи.

– А почему ты подошел именно ко мне? Я заметил, ты больше ни к кому не подсаживался, шел целенаправленно.

По лицу Стаса скользнула удовлетворенная улыбка:

– Я давно ищу похожих на тебя. Присматриваюсь, примериваюсь, решаю. У меня такая работа и я ее выполняю очень хорошо.

Куликов молчал, предлагая продолжать. Стас не заставил себя ждать.

– Ты из «зараженных», верно? Только давай спокойнее! – Стас примирительно поднял руки, увидев, как Куликов заиграл желваками, а брови съехались над переносицей, – Давай не будем юлить, а назовем вещи своими именами. Мне самому этот ярлык не нравится, но он, увы, имеет место быть. И ты знаешь это не хуже меня. Потому не будет новостью, если я предположу, что у тебя хреново с работой, с деньгами и с личной жизнью. Никто не хочет связываться, все бояться, брезгуют, плюются. Словно ты не крепкий здоровый мужик, а мерзкая тварь, шелудивая и вонючая. И не мне тебе рассказывать как «замечательно» жить в мире, в котором для тебя нет места. Где ни ты, ни твоя семья никому не нужны, кроме вас самих.

– Короче, без прописных истин, – сухо прервал его Виктор.

– Короче? Можно и короче, – Стас кивнул, – Тебя зовут Виктор Куликов, ты родом из того самого города, на месте которого ныне Медуза. В тот момент тебя в эпицентре не было, ты еще не вернулся из командировки. Не спрашивай, откуда информация, я знаю о тебе многое, работа такая. Человек ты, судя по биографии, серьезный и не глупый. Поле деятельности и окрестности знаешь. Тут тебе все равно жизни нет, а я предлагаю тебе шанс. Причем шанс не только заработать, но и вновь почувствовать себя человеком. Деньги, брат, сотрут клеймо «зараженного» лучше любого стирального порошка. Сотрут с тебя и твоей семьи.

Куликов бесцеремонно вытащил у Стаса из рук пачку сигарет, которую тот крутил во время разговора. Закурил. Немного подумав, спросил:

– То есть, если я правильно понял, нужны люди, таскающие для вас каштаны из огня? Из числа тех, которым деваться больше некуда?

– Ну, не совсем так. Виктор, у нас много сопливых пацанов, которые съехались со всей страны. Они пытаются изображать из себя крутых проходцев, одеваются как герои дешевых боевиков. В этом плане Медуза привлекает много пушечного мяса. Но только толку от этой школоты мало, вся их спесь слетает еще на первых ловушках, а те шутить не любят. Эти романтичные идиоты ложатся пачками под Периметром, а кто остается в живых, улепetyвает к мамочке со всех ног. Как с такими можно вести какие-то дела, Виктор? Нам нужны люди, которые понимают, зачем и ради чего они работают. Так что твоя безвыходная ситуация всего лишь катализатор твоего решения. Выбор всегда за тобой.

– А как же охрана? Медуза же, вроде, охраняется?

– Ага, охраняется, – Стас пренебрежительно махнул рукой, – При желании я хоть с оркестром промарширую на маршрут, никто и слова не скажет. А то ты не знаешь, как это делается. Кто что стережет, тот с того и имеет. Закон.

Стас замолчал, разглядывая собеседника. Куликов, склонив голову, задумчиво чертил линии зубочисткой на стойке. Сигарета тлела в пальцах, хрипло пел шансонье.

Наконец Виктор воткнул зубочистку в трещину доски, отстранился от стойки. Прямо посмотрел на Стаса, твердым тоном произнес:

– Такие вещи просто так не решаются. Нужно подумать.

Стас понимающе закивал. Он вытащил из нагрудного кармана записную книжку с ручкой, что-то написал, вырвал листок и протянул его Куликову.

– Это номер моего мобильного. Я буду в городе еще два дня, потом уеду. Так, что думай, время пока есть.

Виктор убрал листок, развернулся и, не попрощавшись, пошел к выходу, оглябая танцующие пары. У дверей поднял воротник куртки и вышел на улицу, растворившись в вечерних сумерках.

Стас проводил Куликова долгим взглядом. Потом подозвал бармена и заказал себе еще кофе. Отметив для себя несколько характерных черт в поведении Куликова, мужчина начал обдумывать планы на оставшийся вечер.

В том, что Виктор перезвонит, у него сомнений не было.

Глава 3

Бобер посмотрел пивную кружку на свет, протер ее еще раз тряпкой и поставил под стойку. Он всегда бережно относился к посуде, считал, что именно она служит для людей своего рода маркой, отличительным знаком. По посуде он определял статус человека, его пристрастия и уровень жизни. Поэтому многочисленные чашки и тарелки в своем заведении всегда старался содержать в подобающем порядке, чего требовал и от подчиненных.

Бобер был одним из первых, кто вернулся в город после возникновения Аномалии. Поработав ремонтником, он понял, что есть много способов делать деньги более простым и безопасным путем, чем таскаться по Медузе в синем комбинезоне сотрудника Комитета. И Бобер занял нишу «коммерческого посредника», скупая и перепродавая все, что только было возможно. Бизнес шел не слишком хорошо: в какой-то момент комитетчики начали интересоваться сферой деятельности предпринимателя. И, в конечном итоге, Бобер попался на перекупке артефактов у инсайдеров. И, что обидно, погорел-то на мелочевке, которой на черном рынке по рублю за пучок. Но Комитет нажал, прокуратура возбудила дело, машина правосудия закрутилась. В итоге контрабандист уехал на два года в места не столь отдаленные, радуясь, что еще легко отделался.

Возвратился Бобер другим – поумневшим и с деньгами. Откуда у него появилась неплохая сумма наличных, так и осталось для всех загадкой, впрочем, ходили слухи о старых долгах. А Бобер первым делом сходил к Начальнику Комитета, о чем-то два часа разговаривал с ним. Когда он выходил из кабинета, то находящийся в приемной по своим делам Зуб, проводник Института, с изумлением увидел, как Начальник с улыбкой жмет руку недавнему заключенному.

После этого судьбоносного разговора Бобер открыл небольшой кабачок «Малая Земля», где для комитетчиков были существенные скидки. Кабачок находился практически на границе между незараженным участком города и внешним кольцом Периметра, в здании бывшего детского сада. Дело пошло в рост, новоиспеченный владелец всегда предоставлял отличную продукцию для бара и неплохие комнаты на втором и третьем этажах для проживания. Заведение стало пользоваться популярностью.

И не только у работников Комитета и Института. Спустя некоторое время в «Малой Земле» стали появляться и инсайдеры. Первым пришел угрюмый Сапер, потоптался на пороге и подошел к Бобру. Хозяин заведения дружески улыбнулся старому знакомому, отвел Сапера куда-то на второй этаж. Спустя час они спустились, Бобер пожал руку задумчивому гостю и лично проводил того до дверей.

После этого случая инсайдеры и проходцы всех мастей стали частенько наведываться в «Землю». К тому времени Бобер уже сам становился за барную стойку только от скуки или чтобы пообщаться с товарищами. У него появился штат из пяти человек, которые выполняли всю работу по хозяйству и обслуживанию.

Для особых посетителей, с которыми у хозяина были общие интересы, не терпящие широкой огласки, имелся отдельный вход в отдельный зал с обратной стороны кабака. Дверь в него запиралась магнитным замком, изображение всех входящих транслировалось на монитор за стойкой. Случайным гостям вход сюда был заказан, а личное протезирование самого Начальника Комитета было хорошей гарантией от нежелательных посетителей с красными удостоверениями.

Здесь обслуживались клиенты совсем другого сорта, чем в официальном зале «Земли». И именно в этом зале решил тряхнуть стариной Бобер, лично подавая пиво и обмениваясь репликами со знакомыми.

Сегодня народу было немного. Команда Скаута заняла дальний столик, в самом темном углу. Там о чем-то ожесточенно спорили. Сам Скаут за соседним столиком разговаривал с Торпедой, двухметровым здоровенным мужиком, бывшим «краповым беретом». Торпеда угрюмо кивал в ответ, неспешно перебирая в пальцах четки. За столиком у двери сидел Ниндзя в своей неизменной черной форме и изучал лежащие перед ним бумаги, попивая специально заказываемый для него зеленый чай.

Бобра оторвал от размышлений, сигнал входной двери. Хозяин кабака бросил взгляд на монитор, потом несколько раз вдавил кнопку под стойкой. Чертов механизм опять барахлил, магнитный замок не желал открываться дистанционно.

Бобер раздраженно вздохнул, махнул рукой Скауту.

– Пусть кто откроет. Стас новенького привел, Михалыч предупреждал.

Скаут свистнул своим. Самый молодой из команды, Бобер даже не помнил его клички, поднялся из-за стола и, пройдя через зал, подошел к входной двери. Щелкнул засов.

В зале качнулся воздух, впитывая в себя свежую порцию вечерней прохлады. Вошли Стас и незнакомый парень, светловолосый, в потертой кожаной куртке. Новенький держался напряженно, с порога огляделся. Его взгляд задержался на Ниндзя, который даже не оторвался от своих бумаг, потом скользнул по другим присутствующим и, наконец, уперся в Бобра. Хозяин кабака жестом пригласил гостей к стойке.

Стас деловито поприветствовал своих знакомых, прошел к стойке. Расстегнул пальто, массируя шею.

Новенький последовал за ним, поправляя висящий на плече рюкзак.

– Здорово, Бобер! – Стас пожал протянутую ему руку, – Как дела?

– Дела делаются. Как сам?

Стас кивнул на пришедшего с ним человека.

– Как видишь. Работаю. Михалыч не заходил?

– Вчера был. Этого к нам? – Бобер кинул взгляд на белобрысого, который стоял рядом со Стасом.

– К вам. Пока пусть привыкает пару дней, потом посмотрим. Ну, – Стас обернулся к новенькому, – На этом я тебя покину. Знакомься, это – Бобер, бог местной торговли и развлечений. Хороший мужик, много не болтает. Чем и ценен, – он подмигнул кабатчику, – Так что, оставляю тебя ему на попечение. Помни, что я тебе говорил, и все будет хорошо. Все зависит от тебя. Бывай.

Стас кивнул хозяину кабака, быстро вышел из зала, по пути помахав Скауту. Хлопнула, прилипая к магнитам, стальная дверь.

Бобер протянул кружку с пивом новичку, сказал:

– Ну что, братишка, занесла и тебя к нам нелегкая? Я, как уже сказал Стас, Бобер. Не спрашивай, откуда такое погоняло, долгая история. У нас тут вообще по именам не принято называться. Как-то так повелось. Ты пока исключение. Так что, как тебя зовут?

– Виктор, – новенький вытащил пачку сигарет, закурил. Если он и нервничал, то не показывал виду.

– Витюха, значит? – Бобер заулыбался.

– Виктор, – голос у новенького оказался тихим и спокойным, с налетом усталости. Не было гонора или лишней бравады, но так же не было и страха. Парень явно знал, куда и зачем он приехал.

Бобру часто приходилось видеть разных новоприбывших, он научился определять их будущее по поведению. На своем веку старый бармен видел и истерики, и пьяные дебоши, и полное пренебрежение к смерти. Этот новенький Бобру понравился. Обычный парень, приехавший выполнять свою работу. Такие, как он, либо погибали во время инициации, либо становились настоящими, матерыми инсайдерами. Второе, правда, случалось крайне редко.

– Слушай, Виктор, – обратился к новичку Бобер, – Дело твое, чем занять себя ближайшие дни, тут я тебе не указ. Могу лишь посоветовать потереться здесь, в баре. Познакомишься с людьми, узнаешь много интересного. По городу без особой надобности не ходи, комитетчики пасут всех новеньких. Жить будешь на втором этаже, комната 14. Вот ключи, – бармен снял со стены ключ с массивным брелоком, протянул новичку, – Будут вопросы – найдешь меня. Все понятно?

Виктор кивнул, взял ключи, положил в карман куртки. Отхлебнул пиво.

– Понятно. А что это за люди в зале? Инсайдеры?

Бобер хмыкнул.

– Обычные люди. Потом сам познакомишься. Иди, располагайся.

Виктор оставил недопитую кружку пива, закинул за спину рюкзак и пошел к лестнице вверх.

Торпеда проводил его тяжелым взглядом. Поднялся, отмахнувшись от Скаута, подошел к Бобру.

– Новенький?

– Да.

– Стас ручается за него?

– Ручаться нельзя ни за кого. Но он опытный рекрутер, проверяет все от и до. Сам знаешь.

– Знаю, – Торпеда вернулся к своему столику, по пути что-то шепнув на ухо Скауту. Тот отрицательно покачал головой. Торпеда пожал плечами.

Бобер посмотрел на часы и стал готовиться к вечернему наплыву гостей. Подумал еще, что надо позвонить Михалычу, сообщить о прибытии новичка. Хотя, Стас наверное уже доложил.

Бобер открыл холодильник, достал мясо и направился на кухню, задумчиво насвистывая.

Глава 4

Сегодня в «зале для своих» был аншлаг. За столиками и возле барной стойки сидели и стояли разношерстно одетые люди, общей массой похожие не то на головорезов, не то на прожженных туристов. Преимущественно в военной форме без опознавательных знаков, в брезентовых ветровках, болоньевых анораках, в грязных тяжелых ботинках, в кепках, камуфлированных панамах, банданах, в разгрузочных жилетах, в перчатках и без, курящие трубки и папиросы – вся эта толпа создавала в зале непередаваемую атмосферу пиратской вольницы. В декорациях кабака, с его тяжелыми деревянными столами и лавками, кабаньей головой над баром и дубовыми панелями по стенам, все это смотрелось очень колоритно и органично.

Куликов вдохнул полной грудью тяжелый воздух, прикрыл за собой дверь и пересек зал. Обратил внимание на дальнюю часть помещения. Там человек десять сгрудились перед небольшим телевизором, висевшим в углу под потолком. Они вполголоса переговаривались, развернувшись к темному экрану.

Костя, молодой бармен, дежуривший сегодня, кивнул подошедшему Виктору.

– Ну, погулял по городу? – спросил он.

– Погулял, – удрученно ответил Виктор.

Памятные места оставили гнетущее и удручающее впечатление. Брошенные дома, замусоренные улицы, редкие прохожие. Признаки пожаров, поспешного бегства, грабежей и мародерства. Путь в центр Города преграждали блокпосты. За ними начиналась охраняемая территория, в которой располагались базы военных и ученых. А еще дальше, разделив город на неравные части, высился железобетонный забор с рядами колючей проволоки и глухими пулеметными вышками. Там жила своей странной жизнью Медуза, очерченная границами Периметра.

Побывал Куликов и на своей старой квартире. Входной двери не оказалось, внутри – тьма и разорение.

Виктор прошелся по пустым комнатам, задумчиво покурил, глядя в окно. Решил больше не возвращаться.

Костик не обратил внимания на хмурое настроение Куликова, поинтересовался:

– Тоже пришел посмотреть запись?

– Какую запись? – Куликов сел за стойку, – Налей томатного сока.

Бармен ногой открыл маленький холодильник и достал запотевший графин.

– Зуб принес копию видеосъемки институтских. Говорит, что они засняли Инкубатор. Ерунда, конечно, миф для новичков, но парни заинтересовались. Вон, – Костик кивнул на инсайдеров перед телевизором, – Даже Седой пришел. А уж он-то самый рьяный скептик.

– Что за Инкубатор?

Костик хлопнул себя по худой щеке.

– Эй, мужик, ты что? Не знаешь, что такое Инкубатор? И ты хочешь быть инсайдером?

Виктор поднял на него глаза, окинул бармена взглядом.

– Не умничай. Тебя-то к Медузе на аркане не подтянешь. Что за Инкубатор?

– Как и все мифы, – Костик сел на любимого конька, местные байки, поэтому говорил неспешно, с несвойственным ему пафосом, – Легенда об Инкубаторе появилась еще до того, как Михалыч создал первую бригаду. До этого одинокие проходцы-любители бороздили носами землю Медузы в поисках ценных артефактов. Без оружия, без оборудования, без поддержки соратников...

– Короче, – Виктор оглянулся на людей перед экраном телевизора. Инсайдеры о чем-то расспрашивали проводника Института. Зуб, маленький человек в затертой джинсовой куртке,

с изъеденным оспой лицом и без одного переднего зуба, за что и получил свою кличку, что-то им отвечал, то и дело тыкая в палец в диск, который держал в руках.

– В общем, – Костик немного приуныл, не получив должного внимания к истории, – Кто-то из проходцев наткнулся на старый военный бункер, который находился за промышленной зоной города. И что самое интересное, в бункере были, кхм... люди. Ну, как – люди..., – бармен щелкнул пальцами, подбирая слова, – Недоделанные люди. Кто без кожи, кто без внутренних. Все в каких-то желтых нитках, словно в паутине. И не только люди – кошечки, собачки там всякие. Но все теплые, словно живые. Один был практически целый, без волос только. Проходец его сфотографировал. А, спустя время, встретил этого лысого в городе. Живого. После чего сошел с ума и погиб в одной из ловушек.

– Ну а инсайдерам в чем выгода от этого Инкубатора?

– Так нити то эти, паутинка, говорят из золота.

– Из золота? Надо же, – качая головой произнес Куликов, – А с чего взяли, что они золотые?

Бармен пожал плечами.

– Так желтые же. Да и люди говорят, – потом спохватился, щелкнул пальцами, – Так и я о чем – миф. Хотя, брат, вот что я тебе скажу – в Медузе и не такое может быть.

– Пойду посмотрю, – Виктор взял с собой стакан сока и пошел к телевизору. Зуб как раз вставлял диск в плеер.

По экрану пробежала рябь, появилось изображение какого-то промышленного здания, обнесенного бетонным забором. Некоторые секции забора были повалены, обнажая корявые заросли дикого шиповника.

– Территория завода железобетонных изделий, – мужской голос за кадром устало комментировал изображение, – Показания приборов не отмечают активных аномалий.

В кадре появился вооруженный человек в серо-зеленом камуфляже. Одет он был в защитный шлем с поднятый бронезабралом и в черный, похожий на кирасу, бронежилет. Под прикрепленной к плечу рацией с тонкой короткой антенной виднелась плохо различимая нашивка и узкая полоска шеврона.

Человек перекинул с груди на спину короткоствольный пистолет-пулемет, поднял с земли увесистый камень и кинул в кусты. Камень описал дугу, с треском исчез в колючем буреломе. Человек удовлетворенно кивнул, отошел в сторону.

Оператор повел камеру вправо. На экране появилась пыльная дорога с уходящей по ней группой людей. Трое из них были в синих комбинезонах, с продолговатыми рюкзаками за плечами, на которых можно рассмотреть надпись яркими красными буквами – «НИИ-413». Еще двое, бредущих по обочине, в военной форме, с оружием в руках. Видимо охрана или сопровождение.

Оператор двинулся вслед за ними. На этом запись прервалась.

Второй эпизод начался с показа низкого осеннего неба, потом камера плавно опустилась. На экране появился силуэт огромной насыпи на фоне серых облаков. Человек, державший камеру, стоял на краю глубокого котлована, на дне которого виднелось небольшое озеро.

– Сектор «А», район Черного Холма. Приборы показывают присутствие мерцающей аномалии по ходу движения, – голос человека был глухой, словно тот прикрывал чем-то рот. Виктор понял в чем дело, когда в кадр попал один из Институтских, берущий шупом пробы земли. На голове у него был туго стянутый капюшон, лицо прикрывали большие зеркальные очки и респиратор. Человек осторожно ссыпал землю в металлический контейнер и кинул его в рюкзак. Оператор повернулся вокруг, отчего на экране калейдоскопом появились темный лес, солдаты, расслабленно сидящий на камне и смотрящий куда-то в сторону, далекие крыши завода, поле с вывороченными комьями земли, которые, словно торосы, превращали ландшафт в подобие танкового полигона, опять лес. Вдруг камера остановилась, поехала назад, к полю. Виктор

попытался рассмотреть то, что так заинтересовало оператора, но тут камера стала увеличивать участок горизонта и Куликов увидел еле заметную фигуру, похожую на человеческую, которая, оглядываясь, уходила прочь. Куликова мороз пробил по коже, когда он увидел, как двигается фигура – скособочившись, каким-то приставным шагом.

– Вон, вон, смотрите! – Зуб подскочил к телевизору и нажал на пульте «паузу». Его палец уперся в левый верхний угол экрана, – Вон, Инкубатор!

Инсайдеры подались вперед, некоторые даже подошли к телевизору, но на них зашикали и они отступили. Куликов силился хоть что-то рассмотреть на этой, прямо скажем, не лучшей видеозаписи, но ничего, кроме какого-то расплывчатого пятна, по форме похожего на сплюснутую трапецию, не увидел. Пятно было еле заметно, на дальнем краю поля, внешне на самом деле напоминало долговременную огневую точку или крышу бункера из фильмов про войну. Но Виктор отдавал себе отчет, что это, возможно, просто разыгралась фантазия, принимая нечто за желаемое. И не он один.

– Слушай, Зуб, это больше похоже на перевернутое корыто, – подал голос вечный спорщик, Седой, инсайдер со стажем, который еще до появления Медузы ползал по разным странным местам планеты с биолокационными рамками в руках. Он и на самом деле был белый, как лунь, даже аккуратная борода и усы, хотя вряд ли его возраст превышал сорок лет.

Проводник Института востепенел, возмущенно крикнул:

– Да ты что?! Это – Инкубатор! И близнец, – Зуб указал на застывшую фигуру, – по полю скачет.

– Но идет-то он не в сторону Инкубатора, – резонно заметил Седой и подошел ближе к телевизору, – Да и какой-то он корявый для близнеца. Больше похож на обманку.

– Кстати, да, – встрял в разговор кто-то из команды Скаута, – Обманка, как пить дать.

Зуб начал спорить, инсайдеры его подначивали. Куликов заметил, что многие ерничают больше для порядка – уж больно хотелось им верить в реальность легенды.

– Виктор! – кто-то окликнул Куликова. Он оглянулся и увидел сидящего за столиком в углу Торпеду. Широкоплечий, двухметровый гигант с бритой головой махнул рукой, приглашая присоединиться к нему.

Виктор отошел от спорщиков, прошел через зал и сел за стол, внимательно разглядывая рослого инсайдера. Раньше Торпеда не разговаривал с ним, ограничиваясь кивком в ответ на приветствие.

– Не передумал еще работать? – спросил здоровяк.

– Пока нет.

Торпеда отпил кофе из чашки, которая казалась крохотной в его огромных лапищах, посмотрел в глаза Куликову:

– Ты знаешь, что должен пройти инициацию?

Виктор выдержал взгляд, криво усмехнулся:

– Знаю, слышал. Только к чему это все? Как в уличной банде, ей Богу.

– Так заведено. Это как аттестат зрелости. Медуза либо принимает, либо убивает. Большая часть этих людей, – Торпеда обвел рукой зал, – Не инсайдеры, а проходцы. Разница в том, что инсайдер – это работа, а проходец – увлечение. И берут на эту работу далеко не всех.

– И кто же решает, кого взять, а кого нет?

– Медуза, – Торпеда сделал еще глоток кофе и отставил пустую чашку, – Выбирает Медуза. Как женщина – либо из проходца рождается инсайдер, либо ребенок получается мертвым.

Куликов с нескрываемым интересом разглядывал собеседника. Неужели этот громила решил пофилософствовать? К чему эти метафоры? Пугает? Да не похоже.

– Инициация проходит следующим образом, – продолжил Торпеда, – Претендент уходит за Периметр и оставляется там с минимумом одежды и без снаряжения. Его задача выйти

оттуда живым. Если у него получается, то счастливчик становится полноправным инсайдером и получает работу. Все просто, без лишней помпы.

– Просто? – Виктор даже не скрывал сарказм, – И многие не выходили из Медузы?

– Скажу так – бывали случаи, когда из десяти кандидатов не выходил ни один. Но это редкость, большая неудача. Средний показатель благополучно прошедших инициацию – один из пяти. Но в этом и заключается принцип отбора.

– Да, ребята, круто вы тут развлекаетесь, – Куликов откинулся на спинку стула, играя желваками, – Может мне еще палец себе отрезать в знак верности организации или принести в жертву первенца? Взрослые вроде люди...

Но, к удивлению Куликова, Торпеда ощерился в акулий улыбке, наклонился вперед и примирительным тоном сказал:

– Виктор, дело не в нашей придурковатости. Люди, работающие в Медузе, волей – неволей становятся суеверными. Если ты не пройдешь проверку, не докажешь, что способен думать по особенному, смотреть и видеть, дышать, в конце концов, так, как надо, никто из инсайдеров не встанет с тобой в связку. Ты можешь отказаться, можешь быть проходцем, те тоже иногда сбиваются в группы, но тогда будешь действовать на свой страх и риск. Велик шанс, что ограбят, надуют, попросту убьют. Там слишком разношерстные волки.

– Да я и один справлюсь, – пожал плечами Куликов.

– В Медузу не ходят поодиночке, – покачал головой Торпеда, – Только самоубийцы и дураки.

– Не аргумент, – не сдавался Виктор.

– Когда ты становишься инсайдером, тебя официально причисляют к бригаде, – инсайдер объяснял терпеливо, усиливая слова жестами, – Ты получаешь доступ к рынку, к каналам сбыта, к информации. У тебя всегда будет работа и крыша над головой. И у тебя будет намного меньше проблем с Комитетом, что немаловажно в этом городе.

– А что, для Комитета есть разница между инсайдером и проходцем?

– В Медузе нет, там все равны. Там действуют свои законы. Но здесь, на нормальной земле, – Торпеда подчеркнул слово «нормальной», ткнув пальцем в столешницу, – Все решают деньги. Поэтому тут нас не трогают, тут договоренность. Потому запомни первое правило – все происходящее в Медузе там же и остается. Там ты выживаешь, тут – живешь.

– И что, любое действие, совершенное там, – Виктор неопределенно качнул головой, имея в виду Медузу, – Сходит тут с рук?

– Не любое. Потом сам все поймешь.

Торпеда допил кофе, отставил чашку, выжидающе поглядывая на Куликова. Виктор решил не торопить события, выяснить все до конца.

– А не боишься, что я засланный казачек? – спросил он, хитро прищурившись.

Торпеда усмехнулся, достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок. Раскрыл его, протянул Виктору. Куликов прочитал вслух: «Проверенно. Мин нет». И чья-то размашистая подпись в низу.

– Что это?

– Это мой карт-бланш на наш с тобой разговор, – Торпеда бросил лист на стол, – Тебя проверили через нужных людей, пробили по картотеке Комитета. Ты чист. Ты не смотри, что мы похожи на сборище авантюристов, каждый из претендентов проверяется максимально тщательно и приводится в это место только после утверждения его кандидатуры самим Михалычем. Он за свою бригаду печется лично.

– Кто такой этот Михалыч? Завербовали меня от его имени, все его знают, он знает всех. Большой Пахан?

Торпеда рассмеялся, помахал рукой:

– Да нет. Михалыч наш работодатель, наша «крыша» и наши гарантии. Умный, тертый мужик. Но он не главный босс, он просто один из самых лучших и успешных бригадиров города. На Михалыча работают четыре команды и еще несколько одиночек, примыкающие к разным группам. Я их тебе потом покажу, если срастется. Это – свои. Остальных считай соперниками, а иной раз и врагами, особенно команды других бригадиров. Они в этом клубе не появляются, у них свои места сбора.

Торпеда замолчал, пожевал губы. Видя, что Куликов не берет инициативу в свои руки, прямо спросил:

– Долгая вышла беседа, но давай уже поставим точку. Ты мне просто ответь и я пойду: ты пробуешь Медузу или нет?

Куликов почесал затылок, переваривая услышанное. Краем глаза заметил, что некоторые из присутствующих смотрят в их сторону.

Что, собственно, ему терять? Что осталось такого ценного, чем нельзя пожертвовать? Какая еще может быть плата за возвращение к нормальной жизни его семьи, как не тот риск, на который он согласился, садясь в поезд со Стасом? Ответ прост, а путь назад жалок и предсказуем, как тупик. Нужно решать, немедленно, не размышляя, наперекор. Чтобы всем доказать, чтобы доказать самому себе. Спится или умереть? Смотреть на недоедающих мать и сестру или умереть? Да катись ты к чертям, такая жизнь!

– Я пойду с тобой, – просто ответил Виктор и будто в прорубь прыгнул, даже мурашки побежали по спине.

Торпеда поднялся, протянул ему руку. Куликов пожал широкую как лопата ладонь. На душе как-то стало свободнее и легче, исчез груз ожидания.

– В 22.00 встречаемся у входа. Ничего с собой не бери. Увидимся, – дал указания Торпеда, махнул рукой бармену и направился к выходу.

Куликов тоже бросил взгляд на бармена. Костик, улыбаясь, показал ему кулаки с поднятыми большими пальцами. Виктор лишь пожал плечами.

Глава 5

К десяти часам вечера погода окончательно испортилась. Ливень, подгоняемый сильным ветром, хлестал по домам и улицам, не выбирая цели, словно обезумевший пулеметчик. Тяжелые капли разбивались вдребезги, окатывая редких прохожих холодными брызгами.

Куликов стоял под козырьком кабака, накиннув на голову капюшон куртки, и грел озябшие руки в карманах. Он уже порядком успел продрогнуть, когда из темноты вынырнули две фигуры и направились к нему, шлепая по лужам. В блеклом свете фонарей Куликов узнал Торпеду и его напарника, Борхеса. В отличие от Торпеды, Борхес имел вид сублимный, интеллигентный. Ему на вид было за сорок, на обветренном лице блестели умные, живые глаза.

Оба были одеты в маскировочные комбинезоны, черные вязанные шапки и тяжелые армейские ботинки. На громиле помимо всего прочего покачивался полами расстегнутый разгрузочный жилет.

Инсайдеры подошли к Виктору. Поздоровались. Молча покурили под козырьком. Ливень пошел на спад, словно только этого и ждал. Наконец Торпеда критическим взглядом окинул одежду Куликова, махнул рукой, приглашая следовать за ним.

– Пора, выдвигаемся.

Они пошли прочь от «Малой Земли», направляясь в сторону окраин. Насколько помнил Виктор, эта дорога должна была провести их сквозь частный сектор, за которым начиналась роща.

Шли молча, лишь шмыгал носом Борхес. Ориентиром служили редкие фонари, тусклыми звездами висящие в сыром воздухе. То ли от холода, то ли от нервного напряжения, Виктора охватила легкая дрожь. Сжав кулаки в карманах, он старался унять ее.

Да, конечно, Куликову было не по себе. Это перед инсайдерами он мог куражиться и хорохориться сколь угодно, пытаясь сохранить лицо. Страх перед неизвестностью давал о себе знать, путая мысли, заставляя сердце биться чаще. Что впереди? Что ждет за Периметром?

Виктор поймал на себе осторожный взгляд идущего рядом Борхеса. Казалось, тот жалел его. Вот еще! Этого не хватало!

Куликов фыркнул, вытащил пачку сигарет, нервно закурил. Заставил себя разозлиться, чтобы холодная решимость и упрямство перебороло страх. Он даже оскалился, словно волк перед схваткой. Помогло. Страх прошел, мысли прояснились.

Вот только дрожь не отступила.

Торпеда обернулся на звук чиркнувшей зажигалки.

– Затуши сигарету, не дай бог патруль увидит. В роще покуришь. И вообще, хочешь выжить в зоне – бросай курить. Там, – инсайдер кивнул в сторону Медузы, – слишком много любителей стрелять на огонек.

Виктор с досадой выплюнул мокрый окурочок. Потом, немного подумав, вытащил из пачки одну сигарету, спрятал ее во внутренний карман куртки, а пачку скомкал и выбросил в сторону. Видевший все это Борхес одобрительно кивнул.

Они прошли одноэтажные деревянные домики частного сектора. Тут уже давно никто не жил, поэтому дома провожали людей пустым взглядом черных провалов окон. Фонари кончились, темень рассеивал только призрачный свет луны. Под ногами разъезжалась жидкая грязь, влажно поблескивали стволы деревьев на обочине. Постепенно глаза привыкли, и Виктор смог различить направление: они двигались в сторону старого коллектора.

Пересекли рощу, минуя спортплощадку с турниками, лесенками и коробкой для хоккея. В лужах плавал мусор, трепетала на ветру посеребренная газета. Обреченность места давила.

– Приближаемся к Медузе, – сообщил Борхес.

Миновали лесопосадки, вышли к стоящей на отшибе кирпичной будке с облупленной краской на стенах. Торпеда с трудом отворил массивную стальную дверь и остановился на пороге, прислушиваясь к сырой темноте лестничного пролета, ведущего под землю. Борхес жестом велел Куликову молчать.

Виктор осмотрелся. В такую погоду реденькая роща, оставшаяся позади, казалась непролазной чащобой. За коллектором снова начинали расти деревья и кусты. Куликов помнил, что это некогда был яблоневый сад, но сейчас яблони одичали и разрослись в разные стороны причудливыми уродцами. Этот сад должен как раз упираться в ограждения первого периметра охраны Медузы.

– Идем, – Торпеда удостоверился в безопасности, включил небольшой фонарик и начал спускаться по лестнице. Куликов и Борхес двинулись за ним.

Кажущийся ослепительным в чернильной мгле свет фонарика выхватывал из темноты выщербленные каменные ступени, стены из красного кирпича. Воздух пах плесенью и сырой землей.

Оставляя мокрые следы, люди спустились в небольшое захламленное старыми поддонами и ящиками помещение. Над головой тянулись ржавые трубы с обвислыми нитями паутины, которые колыхались от движения воздуха, вентиляционный люк, словно сыпью, покрылся черной плесенью.

Пока Виктор с отвращением осматривался, Борхес разгреб завал у стены, под которым оказалась покосившаяся дверь. За ней – маленький закуток, заваленный черенками от лопат, ломami, мятыми картонными коробками, тонкими рейками и каким-то грязным тряпьем. Инсайдер запустил руку в эту кучу, пошарил в ней с задумчивым видом и извлек на свет небольшой рюкзак зеленого цвета. За ним на появился еще один рюкзак и, к удивлению Куликова, автомат АК-47. Следом – снайперская винтовка Драгунова. Винтовку взял Торпеда, проверил магазин. Патроны, лежащие ровными рядами, тускло блестели в свете фонаря. Инсайдер вставил магазин на место, дослал патрон в патронник. Закинул один из рюкзаков за спину и обратился к Виктору.

– Теперь слушай. Сейчас ты должен оставить все вещи, кроме одежды, здесь. Исходя из того, что ты неплохо знаешь город, мы завяжем тебе глаза. Повязку снимем на месте, где ты останешься один на один с Медузой. После этого твоей единственной задачей будет выйти к Периметру. А там мы тебя встретим.

– Вы что, знаете, где я выйду?

– Есть несколько мест выхода из Медузы. Сегодня, – Торпеда сверился с календариком, извлеченным из кармана разгрузочного жилета, – Их всего четыре. Все понял?

– Понял, что тут непонятного, – Куликов покорно принялся вытаскивать из карманов всякую мелочь. В широкие ладони Торпеды легли ключи от номера в «Малой Земле», мятые разменные деньги, небольшой нож в чехле. Инсайдер убрал все это в клапан рюкзака.

– Позже верну.

– Обыскивать не будешь? – едко спросил Виктор.

Торпеда мотнул головой, словно не заметил тона Куликова. Борхес лишь хмыкнул, одевая второй рюкзак и подбирая автомат.

– Готовы? – громила окинул попутчиков взглядом, – Борхес, дай ему повязку.

Виктор проглотил подступивший к горлу ком, несколько раз вздохнул, успокаивая прыгающее сердце. Принял из рук Борхеса длинную полоску ткани, честно завязал глаза, поборов в себе желание оставить небольшую щель. Плотная ткань неприятно щекотала лицо, отрезав последнюю спасительную ниточку – видение привычных предметов, оставляя ощущения на волю слуха, который, казалось, предательски извлекал из окружающего пространства только странные и зловещие звуки. И разум трактовал их самым неприятным образом, представляя безумные картинки, намешанные из всех фильмов ужасов, виденных когда-либо Виктором.

Он почувствовал, как его аккуратно, но крепко взяли под локти и повели вперед. Голос Торпеды периодически давал указания по ходу движения, предупреждая о том, что надо где-то переступить, а где-то нагнуться. Виктор несколько раз спотыкался, и тогда его поддерживали, не давая упасть. Безумно хотелось сорвать эту чертову повязку, бросить ее в лицо идущему рядом и прекратить весь этот дешевый фарс.

Но Куликов держался. Наверное из-за своей глупой гордости. Мужчина не должен быть истеричным, тем более показывать это на людях. Так его учили. И Виктор считал это верным. Тем более что эти люди проходили через подобную экзекуцию. И прошли ее, как бы сложно не было. Неужели он хуже или слабее? Неужели поддастся панике?

Воздух посвежел. Куликов понял, что они вышли на открытую местность. Инсайдеры шли молча, не переговариваясь. Видимо давно спаянная команда, каждый знает, что и когда нужно делать. Знает до того хорошо, что не требовалось лишнего согласования действий. Каждый делал то, что должен был.

Несколько раз останавливались. Тогда Куликов отвлекался от постоянной необходимости сохранять равновесие и прислушивался к окружающему миру. Шелест моросящего дождя перебивал, заглушал многие звуки, делая их призрачными и неопределенными. Вот вроде бы звуки далеких выстрелов. А вот ветер принес беспольные голоса, которые в неимоверном темпе дьявольским речитативом частят непонятную абракадабру. Такого не услышишь у себя дома. Уже вошли в Медузу?

Шли около получаса, иногда останавливались. Виктор молча слушал, инсайдеры шепотом переговаривались и шуршали картой. Куликов пытался по памяти прикинуть хотя бы примерно район их местонахождения, но не преуспел.

После очередного поворота остановились. Торпеда скомандовал остановку, с лица замершего Виктора сняли повязку. Куликов глубоко вздохнул, протер кулаками глаза и медленно поднял веки.

Черно-серое. Ломаные линии по горизонту, рваные тени по сторонам. Пыль и прах.

Виктор не узнавал родного города.

Они стояли под пластиковым козырьком трамвайной остановки, возле проезжей части. Вокруг пустыми коробками возвышались многоэтажки, погасшими свечами торчали вдоль дороги мертвые фонари. На другой стороне улицы покосившимся памятником застыла легковушка со сгнившими колесами. У нее не хватало двух передних дверей, сквозь днище пророс черный колючий куст.

Виктор поднял глаза. Тянущиеся над головой трамвайные провода даже не провисли от времени, выглядели как новые. И это совсем не вязалось с видом сгнившего автомобиля и разбитой улицы.

Куликов глубоко вдохнул, с шумом втянув носом воздух. У Медузы был специфический запах. Запах мокрой пыли, затхлости и пустоты. Как пахла пустота Виктор затруднялся ответить, но более точного определения подобрать не мог.

Торпеда посмотрел на часы, достал из кармана разгрузки шариковую ручку и записал какие-то цифры на внутренней стороне запястья. Кинул Борхесу:

– Пятиминутная готовность.

Борхес, не оглядываясь, кивнул. Он застыл в напряженной позе у края остановки и поводил из стороны в сторону стволом автомата, всматриваясь в темноту улицы. Куликов с беспокойством отметил, что автомат снят с предохранителя.

Торпеда убрал ручку, повернулся к Куликову:

– Слушай и запоминай, это важно. Мы сейчас уходим, ты останешься. Выжди минут десять и можешь начинать двигаться. Иди осторожно, внимательно. Слушай, смотри, пытайся вникнуть. В дома без особой надобности не суйся, старайся обходить стороной машины. Увидишь людей – прячься, друзей у тебя тут нет. Только не вздумай от них убежать, либо пуля

догонит, либо влетишь в ловушку. Вот, – инсайдер достал из-за пояса потертый пистолет ТТ, – На всякий случай.

Куликов взвесил в руке оружие.

– Он пустой?

Торпеда кивнул, усмехнувшись, аккуратно высыпал на скамейку патроны.

– Удачи, – он похлопал Виктора по плечу, перехватил винтовку, – И еще одно. Там, где бабочки, безопасно. Борхес, время! Уходим.

– Какие к черту бабочки, осень на дворе, – буркнул про себя Куликов, мрачно наблюдая, как спины инсайдеров растворяются в темном проулке между домов. Еще через пару секунд он остался совсем один.

Узкая рукоять пистолета неприятно холодила ладонь, промозглый ветерок забирался за шиворот. Куликов поежился, передернул плечами, досадливо сплюнул и повернулся к скамейке. Нужно поскорее закончить со всем этим.

«Патроны и пистолет отдельно. Чтобы в спину не выстрелил, – Куликов про себя усмехнулся, – Ну и нравы у них тут». Он зарядил обойму, передернул затворную раму. Оставшиеся патроны, пять штук, засунул в карман.

Дождь продолжал моросить, но ветер стих. Виктор выглянул из-под козырька, посмотрел на небо. И открыл рот от удивления.

Вместо низких серых туч, закрывающих небо сплошной пеленой, над головой сверкали звезды. Яркие, колючие, крупные звезды. Из которых капал дождь.

Виктор тряхнул головой. Ничего не изменилось.

Восхищенно покачав головой, Куликов опустил глаза и решил сосредоточиться на насущных проблемах. Окинул взглядом улицу.

Ни одной вывески и таблички с названием улицы. Ни одной витрины или указателя. Ничего, что могло бы дать зацепку для воспоминаний. Как ни старался, но Виктор не мог определить, где именно его оставили инсайдеры. Даже на столбе возле козырька не было названия остановки. Не мог же город так сильно измениться? Или в этом районе Виктор слишком редко бывал? Куда идти?

Главный козырь подвел Куликова, он не смог сориентироваться в собственном городе. А ведь казалось бы! Что ж, оставался еще шанс рано или поздно выйти на знакомые улицы, определиться с расположением. Главное, не поддаваться страху и суете. Главное, быть уверенным в себе.

Иначе нарастающая паника затмит разум, и тогда он совершит ошибку. Но думать об этом Куликов себе запретил.

Торпеда отер ладонью влажное от дождя лицо, вновь прильнул к окулярам прибора ночного видения.

– Ну, что там? – спросил Борхес. Он, нахохлившись, сидел на деревянных перилах покосившейся беседки, в которой расположились инсайдеры, – Сидит?

– Сидит, – Торпеда повернулся к другу, – Не хотелось бы, конечно, его валить. Парень-то, вроде, нормальный.

– Может и не придется. Был бы подсадной, давно бы уже комитетчики на вертушке забрали. Помнишь того, шепелявого?

– Помню. Жаль не пристрелили тогда, окном ушел, сволочь. Схрон из-за него менять пришлось, – Торпеда вновь повернулся в сторону одинокой фигуры на остановке. Позиция располагалась в темноте двора, новичок никак не смог бы их увидеть, – Не торопится, осматривается. Молодец. Борхес, помнишь, как сам проходил через инициацию?

Борхес поежился:

– Такое забудешь. Меня потом несколько дней трясло.

– Да, видок у тебя был еще тот. Помнишь, когда мы тебя у выхода встретили, ты в священную ярость впал? Аспиду ладонь прокусил, когда пытались тебя успокоить. Ругался грязно и неинтеллигентно.

Борхес усмехнулся:

– Я вас тогда убить был готов, – он вдруг выпрямился, напрягся, ткнул рукой в сторону новичка, – О, вроде решился.

Торпеда кинул быстрый взгляд в сторону остановки и уходящего от нее человека, подхватил винтовку. Сказал:

– Отлично. Ведем его еще полчаса, потом возвращаемся. Если за это время не появятся комитетчики, значит, Михалыч в очередной раз не ошибся. Тогда помолимся за удачу Виктора и направимся к Периметру. Все, пошли. Время.

Виктор осторожно ступал по центру проезжей части, прямо по еле заметной двойной сплошной. Когда-то родной и знакомый, город теперь казался собственным призраком, фантомом из ночных кошмаров. Черные провалы между домами, пустые зевы распахнутых подъездов, слепой взгляд безжизненных окон. И стойкое ощущение, что кто-то за ним наблюдает, не мигая и настороженно. Ждет момента прыгнуть на спину.

Куликов не торопился, двигался аккуратно, поглядывая по сторонам и останавливаясь, прислушиваясь. Пистолет в руке давал некое чувство уверенности и защищенности, но Виктор не обольщался на его счет. Он подозревал, что, случись чего, от пистолета будет мало проку. Если хотя бы половина из слышанного им о существах Медузы, правда, то пистолет являлся скорее альтернативой долгой и мучительной смерти. Чтобы застрелиться.

Виктор шел медленно, почти крался по дорогам брошенного города. Подавлял желание перейти на бег и побыстрее убраться с неприветливых улиц.

Дошел до перекрестка. Над головой качался погасший светофор с расстрелянными лампами, черной петлей свисал оборванный провод.

В очередной раз окинул взглядом стены домов, пытаясь найти таблички с названием улицы. Тщетно. Будто чья-то злая рука специально сорвала их, оставив не закрашенные прямоугольники на фасаде. Или на самом деле сорвали? Не хочется думать, что Торпеда и Борхес, к которым Куликов относился, в принципе, неплохо, решили играть не по правилам. Не могли инсайдеры так поступить, осознавая, что и без этого проблем у новичка, пусть даже знающего город, будет выше крыши.

Куликов вздохнул, осмотрелся.

За все эти годы множество слоев грязи и мусора скопилось на улицах города. Ветер и дожди медленно разгоняли эту массу по углам, сметали к стенам домов, к бордюрам. Асфальт полопался, вздулся, пророс жесткой травой. Неоднородное полотно дорог стало похоже на старое лоскутное одеяло, расплзающееся по швам. Сырость, плесень, разложение, липкая чернота – осень внутри Периметра имела вид старого погоста, забытого и заброшенного в чаще леса.

Виктор почесал макушку. Что ж, если не известно направление, то имеет смысл просто двигаться по прямой. Рано или поздно он выйдет к границе Периметра и найти выход будет уже делом техники, была бы лазейка.

Внутренних противоречий данное решение не вызвало. Виктор вытер взмокшие ладони о штаны и сделал несколько шагов, пересекая перекресток.

Что-то не так!

Куликов замер, занеся в воздухе ногу. Застыл недвижимо, судорожно пытаясь поймать тот укол предчувствия опасности, который пронзил его миг назад. В чем дело?

Он качнулся назад, попятился. Поднял перед собой пистолет. Его глаза ощупывали темные углы, окна домов, дорогу... Стоп! Вот оно!

Проезжая часть и тротуар были усыпаны песком вперемешку с опавшими листьями. В лужах плавали почерневшие обрывки не то газет, не то листовок. Возле домов поблескивали осколки битого стекла.

А вот довольно большой пятак в самом центре перекрестка был девственно чист. Словно его тщательно подмели, да вдобавок еще и помыли с мылом. Асфальт был будто только уложенный, черный и фактурный.

Это непонятно и неестественно, а значит потенциально опасно. Поэтому идти напролом крайне нежелательно.

Виктор посмотрел по сторонам. Обойти подозрительное место можно только с правой стороны, вдоль дома, так как слева сплошной стеной, нависая над тротуаром, топорщились разросшиеся кусты, похожие на спутанные витки колючей проволоки с длинными шипами.

Куликов задумчиво пропел под нос: «...И как перед битвой, решительной битвой, стою у каждого перекрестка...» и по дуге двинулся в обход странного пятна. Стараясь сильно не приближаться к дому, пересек дорогу. Перепрыгнул плохо закрытый канализационный люк, заросший странным багровым мхом. Удостоверившись, что ничего не изменилось, все по-прежнему тихо и пустынно, двинулся дальше вниз по улице.

Интересно, который сейчас час? Наверное, где-то около полуночи. Хорошо хоть звезды светят, иначе пришлось бы плутать в полной темноте. По самым примерным расчетам, прикидывая размеры Медузы и с учетом, что он выбрал самый дальний маршрут, часа через два должен показаться Периметр. А если удача улыбнется ему, и он идет по кратчайшему пути, то черный массив забора может появиться в любую минуту.

Виктор приободрился, сам того не замечая, зашагал быстрее.

Пустота вокруг завораживала. Только сейчас, воочию увидев, во что превратился город, осознавался масштаб катастрофы. Что же такое на самом деле произошло здесь?

Словно налетев на невидимый матрас, Куликов отпрянул назад, нелепо замахав руками. Невесть откуда взявшийся сильнейший порыв ветра сбил его с ног, поднял вверх смерчем листья, комья грязи, песок.

Виктор упал навзничь, ударившись локтем так, что искры брызнули из глаз. Пистолет выпал из пальцев, скрылся в облаках летающей пыли. Вокруг ревело, свистело, хлестало по лицу сильным напором и не давало вздохнуть. Отплевываясь и чертыхаясь, Виктор с трудом перевернулся на живот, с ужасом чувствуя, как его отрывает от земли и тащит по разбитому асфальту. Капюшон сорвало с головы, одежда вспучилась пузырями от гуляющего под ней холодного ветра. Куликов буквально ногтями вцепился в бордюрный камень, несколько раз жадно вздохнул и попытался отползти поближе к стене дома.

Стоило ему немного передвинуться вперед, как все резко закончилось. Стих, словно и не было, ветер, лишь листья испуганными мотыльками кружили некоторое время в воздухе.

Куликов опасливо поднял голову, отер с лица грязь и песок. Тяжело дыша поднялся. Ногой наткнулся на пистолет, похороненный под слоем грязи, быстро схватил его. Ошалело обвел взглядом улицу, не веря своим глазам.

На соседнем доме белела вывеска «бутик Этнос». Вывеска висела над чудом сохранившейся стеклянной дверью. Рядом, черным провалом с острыми осколками толстого стекла, зияла разбитая витрина.

Виктор перевел взгляд. На углу дома, на высоте в два человеческих роста, привинчен указатель: «Улица Трудолюбия».

Ведь не было вас тут минуту назад? Не было!

Пустые стены словно покрылись фактурой текста, тут и там виднелись вывески, указатели, номера домов, рекламные плакаты. Что за чертовщина?

Куликов повел плечами, расправляя одежду, непонимающе покачал головой. И вдруг в холодном свете звезд заметил черный силуэт возле подъезда через дорогу. Человек. Сидит на

скамейке, подогнув под себя ногу и выпрямив вторую. Не двигается. Подробнее не разглядеть, темно.

Сердце гулко застучало, Виктор сделал несколько шагов в направлении незнакомца. Запоздало вспомнились предупреждения Торпеды.

– Эй! – крикнул он, останавливаясь в двадцати метрах от незнакомца, – Не подскажешь как к Периметру быстрее пройти?

Человек молчал. Сощурившись, Куликов всматривался в черную фигуру, силясь разглядеть, кто перед ним. Показалось или человек что-то делает, какое-то плавное движение руками, однообразное, на уровне колен? Раз за разом, раз за разом.

– Эй, братуха, ты в порядке? – Виктор на всякий случай поднял пистолет и направил ствол на сидящего, – Может, помочь чем?

Человек молчал. Тогда Куликов сделал маленький шагок к нему, не опуская оружия. Еще шаг. Еще. Напряженно, до рези в глазах всматривался в темноту.

Сначала он ничего не понял. Отпрянул, часто заморгал, потряс головой. Вновь взглянул на странную фигуру. И охнул, чувствуя, как на затылке поднимаются волосы, а рука с оружием начинает предательски подрагивать.

Это существо, которое с натяжкой можно было назвать человеком, не сидело. Оно стояло на одной ноге, нелепо короткой ногой, оставив в сторону другую, длинную. На человека существо походило лишь из-за темноты, на самом деле оно представляло собой фантазмагорическую пародию. Своими неестественно тонкими руками словно гладило кого-то по голове, кого-то невидимого, несуществующего. На одутловатом, с рваными дырками вместо глаз, лице беззвучно открывался и закрывался безгубый рот, поблескивая моллюском высунутого языка.

На подкашивающихся ногах Куликов попятился, не спуская расширенных глаз с жуткой твари. Но та и не думала преследовать Виктора, оставалась на месте.

Лишь страх перед непредсказуемыми последствиями не позволил Виктору разрядить в лицо псевдочеловека всю обойму. Чудом найдя в себе силы опустить оружие, Куликов отступил еще на несколько шагов. Шумно сглотнул.

Не стоит делать необдуманных решений. И без того в дерьме по уши.

Куликов боком отошел на противоположную от существа сторону улицы, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, успокаивая скачущее сердце.

– Да пошел ты! – прошипел он сквозь зубы и двинулся дальше по дороге, оглядываясь до тех пор, пока существо не скрылось в темноте.

Улица свернула в сторону особняков. Горбатая асфальтовая дорога плавно перешла в ровную колею хорошо уложенного камня с глубоким чугунным водостоком по правой стороне. Виктор вспомнил места, смог сориентироваться. Район, в который он попал, местные когда-то в шутку называли «Долиной нищих», он находился на окраине города, недалеко от Института. Строились тут зажиточные горожане и заезжие из столицы чиновники, хвастая друг перед другом изысками архитектуры.

Если Виктор правильно представлял размеры Медузы, то до Периметра осталось не более трех километров. Вспомнилось, как накануне ему предлагали купить копию военной карты, которая была в ходу у инсайдеров. Но тогда цена показалась крутовой. Теперь Виктор с сожалением вспоминал о своем отказе, потому как понял, что смутно представляет оборону границы. Вдруг там минные поля? Не хочется погибнуть на финише.

Справа появился редкий подлесок, на фоне темного неба он казался покосившимся в разные стороны частоколом. По левой стороне нескончаемой чередой потянулись коттеджи. Практически все дома из дорогого красного кирпича, с дорогой черепицей на причудливых крышах, огороженные забором из витых прутьев качественной кузнечной работы. Помнится, Куликов когда-то мечтал о таком доме, построенном по личному чертежу. Но потом понял, что, честно работая, на такой особнячок вряд ли заработаешь.

Сейчас он смотрел на эти брошенные «гнезда новой аристократии» и видел, что в ту ночь, ночь рождения Аномалии, эти люди ничем не отличались от остальных сотен беженцев, которые нестройной вереницей потянулись прочь из города. Медузе было наплевать на социальное положение и политические взгляды, на количество денег и толщину стен.

Дома стояли ровной шеренгой, темные, мрачные. Красивые, стильные склепы. Словно брошенные псы, мокли в лужах и смотрели в ночь пустыми глазами окон. Одинокие и забытые.

Виктор шагал по мощеной дороге, освещенной яркими звездами. Горбатые каменные спины брусчатки блестели в призрачном свете, от заросших плющом стен веяло прохладой. В какой-то момент Куликов почувствовал, что его путь близок к завершению. Он даже хмыкнул, когда небо над головой чиркнул пусть еще далекий, но уже видимый луч прожектора сторожевой башни.

Говоря по чести, Виктор был несколько озадачен столь легкой прогулкой по мертвому городу. Ему-то казалось, что Медуза окажется более опасной, что смерть будет поджидать за каждым углом. На деле же его опасения оказались слишком преувеличенными, надуманными. Что необычного он увидел за все это время? Странное существо? Да, жутко, но не смертельно. Пятно на асфальте? Пятно могло быть просто пятном, никакой мистики. Конечно, выбрался он быстро, а значит инсайдеры завели его недалеко. Возможно, в глубине Медузы все хуже, но пока что не особенно впечатлило. Что ж, оно и к лучшему.

Ноги сами собой зашагали быстрее. Одинокие шаги эхом отдавались от стен коттеджей, ветер скрипел и пощелкивал голыми ветвями в подлеске. Ровная прямая дорога расслабляла, настроение улучшилось.

Наконец, поднявшись на пологий холмик, Виктор увидел, что луч прожектора стал ярче, он лениво шарил из стороны в сторону. Насколько Куликов мог судить, до Периметра осталось километр-полтора.

Он так засмотрелся, прикидывая расстояние, что чуть было не наступил на что-то большое, лохматое, с шипением прыгнувшее из-под ног в сторону. Виктор отскочил к забору, вернулся, успел заметить мелькнувшие хвост и треугольные уши. Кот!

Кто-то захрипел рядом, над головой. Захрипел надсадно, задыхаясь, как утопленник. Куликов вжал голову в плечи, попятился от забора, на котором сидел, болтая ногами, мальчик лет десяти. Звук шел от него.

Произошедшее дальше Виктор запомнил плохо. Мальчик закричал. Закричал страшно, протяжно, широко открыв рот. Слишком широко, так, что рот заполнил большую часть лица. Куликов отшатнулся, поднимая пистолет. Правая нога поехала по грязи, и он, не удержавшись на краю дороги, полетел в водосток. Успел несколько раз нажать на спусковой крючок. Пули с визгом ударили о прутья забора, ушли в пустоту.

Виктора неожиданно подбросило вверх, словно кто-то огромный хорошо пнул его ногой. Казалось, он взлетел так высоко, что разглядел крыши домов и вершины деревьев. Потом что-то сильно ударило в грудь, отчего Куликова сложило пополам, швырнуло вниз, на землю, кружа вокруг оси. Небо, лес, дома – все слилось в одну серо-черно-зеленую кашу, мельтешащую перед глазами. Боль пронзила позвоночник и отдалась внутри – Виктор спиной рухнул на мокрую траву. Земля была нестерпимо горячей и обжигала все тело.

Не успел он придти в себя и перевести дыхание, как в голове полыхнуло такой болью, что, Виктор, кажется даже закричал, чудом не теряя сознание. Потом его куда-то тащили, разбивая голову и руки о камни. Сбитый с толку, испуганный, одурманенный болью, Куликов пытался группироваться, но невидимые руки стали перекручивать его в разные стороны, словно выжимали белье. В ушах все еще стоял слишком долгий крик мальчика. В какой-то момент хватка невидимого мучителя ослабла, и Виктор упрямо попытался встать на ноги, словно боксер после глубокого нокаута. Но его тут же рвануло вверх, вниз, ударило о землю, закрутило спиралью.

Очередной приступ боли прострелил голову от виска до виска и Куликов наконец провалился в спасительное забытие.

Потом сознание приходило вспышками, разбитой мозаикой. Каждый рывок к свету оставлял росчерки боли и зубовный скрежет. Вот пальцы с поломанными ногтями впиваются в сырую землю, вырывая липкие комья. Вот дышащая смрадом темнота, давящая на грудь свинцовыми пластинами. Что-то теплое, живое возле щеки, хочется прижаться, зарыться в пушистый мех. Но тепло удаляется, надо за ним, не упустить!

Падение, удар. Рвет желчью. Вновь темнота и сырость, тяжесть и вонь.

Последнее, что запомнил Виктор, это нестерпимо яркий свет, бьющий сквозь закрытые веки. Потом чей-то голос произнес: «Спи», и Куликов позволил, наконец, истерзанному телу расслабиться.

Глава 6

Боль всегда возвращается первой.

Десятки взбесившихся ежей мечутся по телу, заставляя каждый мускул сокращаться в судороге. Тело выгибается дугой, оно терзается вне времени и пространства, не находя успокоения. Боль кажется бескрайней, словно космос, и всеильной, словно Бог.

Из пересохшего горла вырывается хриплый стон, нет сил сдерживаться. И только после этой отчаянной команды начинают включаться остальные чувства.

Слух. Обоняние. Зрение.

Рядом кто-то разговаривает. Слов невозможно разобрать, они доносятся будто сквозь вату. Пахнет спиртом и лекарствами.

Укол в плечо почти не чувствуется.

Размытое пятно света, раздражающее пересохшие глаза, пропадает, уходит во мрак. Боль медленно отступает. Лихорадочное забытие сменяется беспокойным сном.

Взлеты и падения. Всплытия и уход на глубину. Сила и слабость.

Рано или поздно каждому приходится делать выбор между этими двумя крайностями. По сути, выбор стоит между тем, увидишь ли ты свет своими глазами или чужие глаза увидят, как тебя погружают во тьму. Все остальное лишь бутафория.

Куликов выбрал свет. Свет имел розовый оттенок, и пробивался сквозь закрытые веки. Разомкнуть их оказалось не легче, чем поднять тяжелый театральный занавес.

И все же Виктор открыл глаза. Повернул голову на бок, огляделся.

Он лежал на кровати в своем номере в «Малой Земле». Сквозь приоткрытые занавески комнату заполнял дневной свет, воздух из форточки легонько раскачивал тонкий тюль. Пахло сырыми листьями и мокрым асфальтом.

Возле кровати, в ногах, возвышалась серебристая перекладина пустой капельницы со скрученными трубками. На тумбочке – бутылка с медицинским спиртом, из серой коробки поблескивали головки ампул. Рядом – упаковка пластиковых шприцов.

Куликов попытался подняться, сесть, но не смог. Нахлынула слабость и тошнота, голова закружилась. Он обессилено упал обратно на влажную подушку, неловко подвернув левую руку, которая оказалась в гипсе. Скосил глаза вниз, заметил повязки поперек груди.

Эк его помяло, однако.

Уснул. Проспал несколько часов, успел увидеть дурацкий сон. Проснулся. С удивлением уставился на перемены в комнате.

В дальнем углу комнаты, в кресле, в джинсах и вытянутом сером свитере, дремал Борхес. Он уронил голову на грудь и еле слышно посапывал. На коленях, корешком вверх, лежала раскрытая книга.

– Борхес, – тихо позвал Виктор. Получилось беззвучное шипение, сухой язык еле ворочался во рту. Сглотнув, Куликов попробовал уже громче, морщась от рези в горле: – Борхес!

Борхес встрепенулся, непонимающе завертел головой. Взгляд его остановился на Куликове, лицо сразу же прояснилось.

– Очнулся? – воскликнул инсайдер, вскочил на ноги, широкими шагами приблизился к кровати, – Молодец!. А я подумал приснилось. Как самочувствие? Ну ты и красавец! Так инициацию давно никто не проходил! Военные на ушах стояли, по тревоге «Псов» подняли. Рука не болит? Ребра? Мы боялись, что «залипнешь», очень ты плох был...

– Подожди, не гони лошадей, – Виктор поморщился, прерывая словоохотливого Борхеса, – Давай по порядку. Что со мной?

Инсайдер придвинул стул, сел. Задумчиво пожевал тонкие губы.

– Ну, что тебе сказать. Сломана рука, сам видишь. Треснуло несколько ребер. Ливер себе весь отбил, плюс сотрясение мозга и обильные кровоподтеки по всему телу, – Борхес замолчал, потом добавил, – Ну, мелкие порезы и ссадины можно не считать.

Виктор хмыкнул, пытаясь прочувствовать все перечисленное, задвигал руками и ногами. Мониторинг не удался – болело и ныло все тело сразу.

– Еще что-то? – спросил он.

– Я не врач, не знаю, – пожал плечами инсайдер, – Но нашли тебя в ужасном состоянии. Вроде, доктор еще колол какие-то антибиотики, но я точно сказать не могу. Как себя чувствуешь?

– Пока не понял, – признался Виктор, – Давно я вот так?

Борхес прикинул в уме, ответил:

– Где-то неделю-полторы. Честно говоря, некоторые думали, что тебе хана.

– Зато вашу аттестацию дебилскую прошел, – буркнул Виктор. Запас сил иссяк, вернулись сонливость и раздражительность, – Повеселились?

– Зря ты так, – обиженно надулся Борхес, – Мы переживали.

Куликов сдержался чтобы не нагрубить. Отвернулся от инсайдера. Закрыв глаза и не откликался больше. Через некоторое время скрипнул стул – Борхес вернулся на свой пост в кресле. Зашелестели страницы книги. Под их шелест Куликов уснул.

Шли дни. Силы медленно, но верно возвращались к Куликову, он уже мог самостоятельно садиться и переворачиваться с боку на бок.

Его навещали. Чаще всего Виктор видел сутулого пожилого мужчину, который представлялся доктором. Звали его Сан Саныч, он каждый раз деловито осведомлялся о состоянии здоровья, проверял температуру и давление, шупал и простукивал. Холодный, необщительный, он просто делал работу.

Менять повязки, воду и «утку» приходила немолодая уже женщина, сердобольная и пышнотелая. Виктор подозревал, что они с Сан Санычем работают вместе. Возможно, профессиональная санитарка.

Навещали Куликова и Торпеда с Борхесом. И если Борхес постоянно пытался как-то разговаривать Виктора, отвлечь, рассмешить, то бритый здоровяк лишь угрюмо молчал, наблюдая за Куликовым от дверей. Сразу уходил, стоило Виктору устало закрыть глаза.

И только один раз, когда Куликов поймал-таки его взгляд, в котором на секунду мелькнули неловкость и чувство вины, Торпеда коротко кивнул ему. Так кивают, признавая достоинства равного. Так кивают, когда не остается вопросов и сомнений.

Так кивают, когда понимают боль и страдания.

Как бы там ни было, после этой немой сцены Куликов уже не мог злиться на своих экзаменаторов. Он сам согласился на это испытание, он сам отвечает за свои решения. Он мог жалеть себя и обижаться на инсайдеров сколь угодно долго, но тогда бы он врал сам себе. Тогда бы все усилия, которые он приложил для реализации решения, оказались бы тщетными, а цели – пустышками. Тогда зачем это все? Для чего?

Останется только опустить руки и сдать назад. А этого Куликов не мог себе позволить. Только не сейчас. Не после пройденного пути.

В этом они с Торпедой прекрасно понимали друг друга.

Борхес налил в стакан шипучей минералки, протянул его сидящему в кровати Куликову.

– О чем это я? – инсайдер откинулся на спинку стула и задумчиво наморщил лоб, – А, ну да! Так вот, насколько я понял, попал ты в «качели», в гравитационную аномалию. Там что-то меняется с направлением притяжения, не знаю, не специалист. Объект болтает в поле аномалии как лягушку в миксере, выбраться очень сложно. В конце концов тебя может зашвырнуть

на тридцатиметровой высоте, а может вбить в землю по самые уши. Которые к тому моменту уже холодные. Причем, «качели» – аномалия блуждающая. Движение ее противоположно движению отторгнутого объекта. Проще говоря, тебя метнуло налево, значит аномалия поперет направо. Так, собственно, и вышло. Я точно не знаю что там у вас с ней произошло, но эти «качели» в результате вышли к Периметру, снесли два ряда колючки, поломали вышку с часовым. Спецназ два дня прочесывал полосу безопасности в поисках виновного, комитетчики оскомину Бобру набили своими физиономиями. В итоге все списали на спонтанное перемещение. Такое случается.

– То есть, это мне еще повезло? – усмехнулся Куликов, отхлебывая минералку.

– А то! – хлопнул себя по коленке Борхес, восхищенно цокая зубом, – Ты редкий экземпляр, мало кого «качели» невредимым оставляют. Неприятный аттракцион! Слушай, – инсайдер подался вперед, – Так как же ты выбрался? По всем подсчетам ты вообще с той стороны не должен был пройти. Наши предполагают, что ты каким-то образом по трубам прополз. Да только не верю я, там клещи живут, не пропустили бы, они сырость любят. Да и узко.

– Что еще за трубы? – нахмурился Виктор, – Не помню я труб.

– Старый газопровод, – ответил Борхес, – Тебя около разорванной секции и нашли. Так не помнишь как выбрался?

Куликов откинулся на подушку, уставился в потолок.

– Борхес, я не помню, врать не стану. Такая катавасия была, что все в голове перемешалось. Иногда кажется, что кто-то помог выбраться, будто вели меня по верному пути.

– Ага, – инсайдер хохотнул, – Кошара наверное вывел.

– Кто? – Виктор повернулся к Борхесу.

Инсайдер неопределенно махнул рукой в сторону окна, смеясь, покачал головой:

– Да там котяра сидел рядом, когда тебя нашли. Лицо тебе вылизывал. Здоровый такой, полосатый как матрас.

– И где он?

– Да черт его знает, – пожал плечами Борхес, – Как-то не до кота было. Убежал, наверное. А что, серьезно кот помог?

Виктор махнул здоровой рукой, улыбнулся:

– Может и кот, я после увиденного ничему не удивлюсь. Не помню, Борхес, не пытай, – он замолчал, потом спросил, – Ты лучше скажи, сколько мне еще валяться? А то Саныч лишь зубоскалит да отшучивается. А еще доктор.

– Рекомендовал еще дней пять режима. Сон и легкие физические упражнения. Я завтра костыли принесу, начнешь ходить помалеху. Вот, – Борхес вытащил из кармана джинс сотовый телефон, положил на тумбочку, – Мобилку тебе принес, пользуй. Там на цифрах набора «1» и «2» наши с Торпедой номера, звони в любое время. Ты же теперь тоже в команде, – он поднялся, – Ты теперь тоже инсайдер.

Хлопнул Куликова по плечу, пошел к выходу. На пороге обернулся, сказал, вспомнив:

– Ты это, как-нибудь Торпедо спасибо скажи. Это он тебя через кордоны полумертвого на руках нес. Ты только не говори, что это я просил. Я понимаю, что ты бы без нас вообще не попал бы в ситуацию, но...

– Я все понимаю, – ободряюще улыбнулся Виктор, – Обязательно скажу.

– Вот и ладненько. Счастливо, – Борхес смутился, завозился с дверной ручкой и быстро скрылся в коридоре.

Виктор покачал головой, покрутил в руках телефон. Мысли в голове текли лениво и размеренно, крутились вокруг слов инсайдера. Надо же, даже из Медузы выбраться по-человечески не получилось. Ну да ладно, со временем разберемся.

Куликов дотянулся до бутылки с минералкой, отхлебнул, поставил на место. Закрыв глаза и через несколько минут уже спал глубоким и безмятежным сном.

Острая боль отдавала в ступни при каждом шаге, пробивая от пяток до колен. Куликов старался ставить ноги аккуратно, не травмируя поврежденные суставы и сросшиеся связки, но выходило не всегда удачно. В такие моменты он шипел, как рассерженный кот, некоторое время застывал на месте, ожидая пока боль утихнет. Потом шел дальше. Расхаживался.

Прошла неделя с тех пор, как он начал ходить. Принесенные Борхесом костыли пришлись ко времени, но полноценно пользоваться ими мешала рука в гипсе. Приноровившись, Виктор сначала освоил свою комнату, потом гостиничный коридор, а потом спустился в зал, чем несказанно порадовал Бобра.

Сегодня Куликов наконец побрился, лишившись разросшейся щетины. Долго смотрел на свое осунувшееся лицо, на впавшие глаза, на выпирающие скулы. Хорош боец! Килограмм пятнадцать потерял, руки как у наркомана исколоты, волосы в разные стороны торчат, рожей узника рудников напоминает. Такого не то, что обратно в Медузу, к обычным людям выпускать страшно. Еще чего подумают плохого.

Но, спустившись раз в общий зал, Виктор уже не хотел киснуть в своем номере, слушать принесенный Борхесом плеер. Теперь, при первом случае, он шел вниз, где сидел, общался, знакомился, смотрел телевизор. Куликов всегда считал себя самодостаточным человеком, с легкостью переносящим длительное одиночество. Но здесь, в своем родном городе, ставшем полигоном для неведомых сил, одиночество усиливалось настолько, что буквально выдавливало вечерами Виктора из номера, гнало его к людям, к общению. Особенно неуютно было находиться в номере по вечерам. Окна выходили как раз на Периметр и на фоне багрового заката черные пики высоток Медузы смотрелись особенно зловеще.

Сегодня Виктор решил спуститься в зал сразу после обеда. Ходил он уже относительно уверенно, сменил костыли на стариковскую трость. Хромал да по привычке берег руку, с которой на днях сняли гипс.

За стойкой дежурил Костик, который радостно замахал руками, приглашая к себе. Виктор прохромал до стойки, окинул взглядом полутемное помещение.

В углу, под небольшой навесной лампой, сидел Ниндзя, азиат в неизменной черной форме. Коротко стриженный, он никогда не улыбался и мало с кем разговаривал, всегда приходил и уходил один, заказывая только зеленый чай. Азиат чуть заметно кивнул, приветствуя Куликова.

Двумя другими посетителями оказались молодые еще пацаны лет по семнадцать-восемнадцать. Одеты в новенькие, местами даже непроглаженные камуфляжные костюмы, они с напускным безразличием потягивали пиво, то и дело бросая любопытные взгляды по сторонам.

– Привет, Виктор! – бармен хлопнул по подставленной руке, – Как здоровьице?

– Ничего, терпимо. Как сам?

– Шуршим помаленьку. Слушай, если скажешь мне, чисто по дружбе, как ты преодолел Периметр, то мы с тобой сорвем неплохой куш. Как, согласен?

Виктор рассмеялся, взгромоздился на высокий стул.

– Нет, Костик, не сорвем. Я не помню.

– Не беда, – бармен налил стакан сока, пододвинул его к Куликову, – Придумаем что-нибудь, я скажу мужикам, ты подтвердишь. И дело в шляпе.

– Не в деньгах счастье, – отмахнулся Виктор, через плечо кивая на пацанов, – Это кто?

– А, – небрежно отмахнулся Костик, закуривая, – Столичные мажоры, школота. Искатели приключений на свою задницу.

– То есть? – не понял Виктор.

– Книжек начитались, кино насмотрелись. Решили осчастливить Медузу своим визитом. Приехали в город, с кем-то познакомились, кому-то забашляли. Теперь ждут к кому бы при-

стать, чтобы провел их за Периметр. А, того гляди, сами попрутся, самодеятельно. Там-то им и придет кирдык. Зато форму новую в военторге купили. Буржуйскую небось.

– Злой ты, Костик, – покачал головой Виктор, – Сюда-то они как попали? Внутрь?

– Да с проходцем одним пришли. Тот быстренько слинял тихой сапой, эти остались. Я хотел было выгнать, да они заказывать стали. А у меня день пустой, в кассе медь одна. Вот я и решил их пока оставить, авось сами утопают. А не утопают, так к вечеру выгонит кто-нибудь.

– Такое ощущение, что в Город кто попало приехать может. Все же закрытый объект.

– Ой, да брось ты! – махнул сигаретой Костик, – Закрытый объект, режимная территория, держи карман шире. Раньше может так оно и было, да только со временем тут так все друг другом проросли, что режимным город становится только по приезду больших комиссий из Столицы. В остальное время рука руку моет. Глава Комитета уже не первый дом себе за кордоном строит, его замы не отстают. Где коррупция в верхних эшелонах, там она и на местах. Военные, что за Периметр и ученых отвечают, тоже на одну зарплату живут, что как бы намекает, – Костик сделал неторопливую затяжку, выпустил клуб дыма, продолжил, – Город поделен между собой криминалом, который контрабандой промышляет. Плюс ко всему сам знаешь что в стране творится. Денег на зерно не хватает, не то что на содержание такой махины, как Медуза. Периметр, который в первые годы отгрохали, медленно хиреет, проломов в нем все больше. Въездное в Город КПП разве что ленивый стороной не обойдет. От патруля откупиться можно. Вот и выходит, что при наличии желания, связей или хорошей пачки наличных любой желающий может в Город приехать, жить тут и наведываться за острыми впечатлениями за Периметр. Сам-то легально тут, а? Вот и думай.

Костик замолчал, снисходительно улыбнувшись Куликову. Виктор криво усмехнулся, со вздохом покачал головой.

– Бардак.

Бармен молча кивнул. Виктор повернул голову и пристально посмотрел на юношей.

– И что, этих тоже иницируют? – спросил у Костика.

– Что ты, нет конечно! – всплеснул руками Костик, – Кому они на хрен нужны? Головняк лишний с этими сопливками. Они сюда сами приперлись, никто за них не поручится. А инициацию проходят только те, кто в инсайдеры готовится. Остальные так, бродягами-проходцами живут. Таких романтиков сюда десяток каждый месяц приезжает. Половина тут же уезжает. Кого-то военный патруль ловит, кого-то – комитетчики. Остальные, если в бригаду не попадают, что редко, очень быстро в Медузе погибают. Или нарываются на нож местных душегубов, занимающихся поборами с проходцев. Это вас, инсайдеров, не трогают, над вами крыша хорошая, а простых мужиков трясут еженедельной мздой. Не каждый такое выдержит.

Куликов озадаченно почесал макушку. Вот оно как, значит, работает. Коррупция, рэкет, бандитизм и черный рынок. Где прибыль там и грязь. Это что ж, значит еще повезло, что в бригаду попал?

А пацанов жалко, сгинут ни за что.

Виктор допил сок, отставил стакан и подтянул к себе палку. Костик понял его намерения, запоздало окликнул:

– Да постой ты, покрутятся и уйдут. Подожди...

Но Куликов уже слез со стула и хромал к столику. Один из парней заметил его приближение, толкнул товарища. Они оба замолчали, насупились, напуская на себя грозный вид, настороженно уставились на Куликова.

Виктор бесцеремонно отодвинул свободный стул, тяжело сел, опираясь на трость. Прищурившись осмотрел ребят.

Вблизи они казались еще моложе. Лица гладкие, ухоженные, с румянцем. Один достаточно крепкий, скуластый, смотрит прямо, с вызовом. Второй, худой, глаза бегают, нервно постукивает пальцами по столешнице.

– Зачем приехали? – обратился к ним Куликов.

Ребята переглянулись, крепыш ответил:

– Вам зачем?

– За шкафом! – рявкнул Виктор, – На кой ляд в Город приперлись?

Крепыш обиженно набычился, а худой смущенно произнес:

– Инсайдерами хотим стать.

– Понятно, – протянул Виктор, – Папки-мамки у вас есть?

– Да. И у меня и у Макса, – худой кивнул на своего друга.

– Учитесь где?

– Второй курс университета.

– Бедствуете? Голодаете?

Ребята опять переглянулись.

– Да нет...

– С родными попрощались уже?

– Что? – заморгал худой, – Так они не знают, думают, что мы в Испании.

– Какая в жопу Испания? – глухо прорычал Куликов, подаваясь вперед, на стол грудью, – Вон, видите кента в углу?

Виктор кивнул в сторону ничего не подозревающего Ниндзя. Пацаны испуганно скосили глаза, но Куликов зашипел:

– Не пяльтесь вы так, дубины. Это из местных, из бандитов. Прознали они, что вас можно на денежки растрясти, вот уже и готовятся, пасут как овец безмолвных. Даже не знаю сколько у вас еще времени осталось, – сочувственно покачал головой Виктор, – Думаю, час максимум. Потом мешок на голову и в подвал. А оттуда письма мамочкам с требованием выкупа. И за день промедления по кусочку отрезать будут, мутантам скармливать. А то и вовсе нож в пузо, кишки сизые наружу и за Периметр. А там вас быстро оприходуют.

– Кто? – спросил худой, сглатывая. Он выпучил глаза от страха, нижняя губа чуть заметно дрожала. Его товарищ старался держаться, но румянец с лица спал.

– Дед Пихто! – рыкнул Виктор, – Мутанты. Вон, на меня посмотрите!

Он показал перебинтованную руку и трость.

– Это они меня отделали, заразили паразитом ужасным, который жрет изнутри потроха. А я всего-то на них косо посмотрел.

Парни резко опустили взгляд в стол, бледнея.

– Так что, пацаны, давайте руки в ноги и ходу, – подытожил Куликов, – Пока еще ноги с руками есть.

Наступила томительная пауза. Виктор буквально слышал, как стучат зубы у худого.

– Но вообще-то у нас... – начал было крепыш и Виктор понял, что пора добивать.

Куликов резко откинулся на спинку стула, захрипел, теребя ворот:

– А-а, паразит зашевелился! Грудь изнутри ломает! – изобразил страшные муки на лице, засипел: – Бегите!

И театрально закатил глаза, боковым зрением заметив застывшего с отвисшей челюстью бармена.

– Бегите! Бегите!

Стулья полетели на пол, переворачиваясь. Парней как ветром сдуло, лишь дробно простучали каблуки да ухнула металлическая дверь.

В зале воцарилась тишина.

Куликов выдохнул, поправил одежду. Повернулся к стойке.

Грянул дружный громогласный хохот. Смеялся, стуча кулаком по стойке, Костик. Гоголяли трое инсайдеров во главе со Скаутом, хлопая друг друга по плечам. Они вошли в зал

минуту назад и застыли на входе при виде «умирающего» Куликова. Удирающие пацаны чуть не снесли их с дороги.

Ниндзя даже голову не повернул в сторону веселящихся людей.

Виктор поднялся из-за стола и вернулся к бару. Костик, который никак не мог отсмеяться, утирал кулаком слезы, сквозь всхлипы выдавил:

– Ну, ты...гы...актер...

Подошедший Скаут облокотился на стойку, потер ладонью давно небритую щеку обветренного лица. Из-под густых бровей блеснули голубые глаза. Он пожал руку бармену, Виктору. Сказал, одобрительно кивая:

– Молодец, сообразил как спровадить пацанов из Города. Считаю, жизнь им спас.

Скаут выглядел на тридцать пять-сорок лет, при этом имел седые пряди в черной шевелюре волос, затянутых сзади в хвост. Главный сорвиголова в бригаде Михалыча, Скаут пользовался неоднозначной репутацией удачливого инсайдера и бесбашенного авантюриста. Заостренные черты лица, чуть ироничный взгляд, голубых глаз.

Сегодня Скаут был одет в старый танкистский комбинезон из-под которого выглядывала тельняшка. На поясе болтался широкий ремень с кучей подсумков.

Бармен Костя поставил перед инсайдером чашку кофе, тактично отошел в сторону. Скаут кивнул ему, отпил немного. Обернулся к Виктору:

– Слушай, Кот, Торпеда просил меня переговорить с тобой.

– Кто? – удивленно поднял бровь Куликов.

– Что кто? Торпеда, говорю, просил, – пояснил Скаут, не понимая, о чем именно спрашивает Куликов.

– Да нет, – отмахнулся Виктор, – Меня ты как назвал?

– А как назвал? – Скаут ухмыльнулся, – Котом назвал. Тебя уже большинство наших именно под этим именем знает. «А, это тот мужик, которому кот помог из Медузы выбраться?». Уже местный фольклор, к слову. Да и жизнью у тебя, походу, поболе, чем одна, счастливчик. Так что быть тебе Котом, Виктор.

Скаут отхлебнул кофе, с интересом наблюдал за реакцией Куликова.

– Кот, – произнес Куликов медленно, словно пробуя на вкус новое имя, – Хорошо хоть не Верблюд или Виниту Мокрый Нос. Без этих подпольных кличек никак нельзя?

– Можно, – согласился Скаут, – Но как ты, наверное, уже понял, сообщество инсайдеров сильно традициями. Когда-то такое обезличивание обеспечивало безопасность при облавах Комитета. Кличка что? Вот она и нет ее. Зато имена знают лишь свои, кому доверяешь. Сейчас, конечно, другие времена, стало попроще, но все еще, скажем, на Виктора Куликова будут смотреть более подозрительно, чем на инсайдера Кота. Усек?

Виктор скептически усмехнулся, но кивнул:

– Усек. Пусть так, раз уж заведено. Так что там Торпеда хотел?

– Для нормальной работы тебе нужны амуниция, карты, оружие. Все это можно поискать по торгашам, но выйдет дорого. Чем я тебе могу помочь? Есть у меня выход на человечка, через которого военные форму заказывают. Завтра к обеду сюда подгребай, сходим, затаримся. Денег не надо, на тебя пока бригада тратится. Также раздобуду тебе карту Города с прилегающими территориями. Карту у нас каждый заполняет сам, так что тут тебе пускай твои помогают. А вот об оружии ты с Торпедой договаривайся, у меня пока канал поставок закрыт. Могу тебе, конечно, железку из-за Периметра притащить, но к чему тебе чужой ствол?

– Да без проблем, – Виктор улыбнулся Скауту, – Спасибо.

– Вот и договорились, – Скаут улыбнулся в ответ, – Не забудь, завтра к часу в баре. Ну, бывай, инсайдер.

Он отошел от стойки и подсел к своим. Костик, который все это время тактично стоял в сторонке и делал вид, что читает газету двухнедельной давности, вернулся к Виктору.

– Еще сок будешь?

– Нет, спасибо. Сигареткой угости.

Бармен протянул раскрытую пачку. Куликов взял одну сигарету, помял в пальцах, прикурил. Взгляд его остановился на одинокой фигуре в черном.

– Слушай, Костя, а Ниндзя всегда такой странный?

Костик тоже закурил, прищурившись из-за дыма посмотрел на азиата. Навалился грудью на стойку, склонил голову на бок:

– Это ты верно подметил, что странный он. С причудой парень. Говорят, он в Медузу всегда один ходит, огнестрельного оружия никогда не берет. Где он лазает – черт его знает, но приносит такие вещи, которых никто и не видел никогда. На днях вон, я сам видел, принес целый пакет какого-то черного гороха. Подкинул горсть в воздух, а те вокруг него закружились, как планеты, неторопливо. И не падают, паршивцы. Бобер потом говорил, что подобные вещи только Сыч приносил, больше никто.

Виктор внимательно разглядывал Ниндзя. По азиатам всегда сложно определить возраст, но вряд ли старше Куликова. Шитая явно на заказ просторная форма аккуратно выстирана и выглажена. На фоне вечно замызганных инсайдеров и проходцев, с которых иной раз грязь комьями отваливалась, это смотрелось особенно подчеркнуто.

Ниндзя почувствовал на себя взгляд Виктора. Он повернул голову и их глаза на секунду встретились.

На Куликова смотрел бездонный, холодный космос, выглядывая из черных зрачков азиата. Виктор смешался, опустил голову вниз. Зябко поежился. Когда вновь посмотрел на Ниндзя, тот уже отвернулся и продолжал вести запись в своем дневнике.

Тряхнув головой, отгоняя наваждение, Куликов махнул бармену.

– Ладно, пойду я к себе. Нагулялся на сегодня.

– Давай, – Костик забрал у Куликова пустой стакан, – На ужин спустишься или Нинку послать?

Виктор, уже хромая от стойки к лестнице, кинул через плечо:

– Спустишь. Не маленький.

Он поднялся по скрипучим ступенькам к себе в комнату, разделся и лег на кровать. Воткнул в уши капельки плеера, включил спокойную музыку. Заложив руки за голову, уставился в окно, медитативно наблюдая за раскачивающимися кронами деревьев с золотой листвой. Приподнял голову чтобы увидеть черные силуэты далеких домов по ту сторону Периметра.

Что ж, Медуза, знакомство уже случилось. Теперь пободаемся по-взрослому.

Глава 7

Торпеда с удовольствием потягивал из пузатой рюмки армянский коньяк, смакуя и причмокивая. Они с Борхесом заявили к Виктору под вечер субботы одной из долгих реабилитационных недель, притащили здоровенную сумку деликатесов и пакет с позвякивающими бутылками. Остолбеневшему Куликову объявили, что пришло время влиться в коллектив, укрепить здоровье градусом и вообще устроить небольшой праздник души. Сдвинули стол в центр комнаты, споро накрыли, загрохотали посудой и застучали ножами. Виктору осталось только помогать, сетуя, что он сам не додумался до застолья.

Начали с поздравлений. Торпеда торжественно поднялся, рука с бокалом по-офицерски на уровне груди. Старался выглядеть серьезным, дал прочувствовать момент, поздравил Виктора с началом нелегкого пути инсайдера. Борхес пожелал себе и всем присутствующим нескончаемой удачи, попросил у Медузы снисхождения к новичку. Третий тост пили стоя, за тех, кто погиб и не дошел до Периметра. Помолчали. Вновь пили, ели, разговаривали на отвлеченные темы, про политику, экономику, спорт.

Потом зашла речь о Медузе.

– Обманки внешне очень похожи на людей, особенно если трансформировались полностью, – Борхес нацелил вилку на кусочек рыбы в маринаде, ловко подцепил его и отправил в рот, – Пока сохраняют неподвижное положение, и не отличишь, особенно с расстояния. Сидят себе тут и там, иногда стоят. Молчат, смотрят, шепчут что-то бессвязное. Но вот стоит им начать двигаться, уже не спутаешь – перед тобой обманка. Двигаются они плохо, сразу видно, что не человек идет. Зрелище жутковатое, но безвредное.

– Да, жутковатое, – Виктор вспомнил испугавшее его существо со странными ногами, – А смысл от них? Не просто же так они стоят или сидят?

Борхес пожал плечами:

– Версий много, но никто толком не знает. Тут вообще очень многое на первый взгляд не имеет смысла. Но смысл, безусловно, есть.

– Ну вы еще про смысл заведите шарманку! – подал голос Торпеда, – Ты, Кот, с Борхесом на эту тему лучше не разговаривай, он тебя своими философскими выкладками до состояния комы заболтает. Только вот все его теории складны лишь на словах, на деле же ни одна не выдерживает суровых реалий практики в Медузе. А теория без практики что?

– Вот не верите вы, уважаемый Торпеда, в силу научного разума, – парировал Борхес, глубокомысленно качая вилкой, – Если не осознавать и не анализировать увиденное, то оно так и останется непознанным. А теории тем и хороши, что в них можно уложить практически любой опыт.

– Ага, – скептически скривился Торпеда, – То-то я погляжу как институтские свои теории на практике проверяют. Техники и приборов пожгли столько, что вагонами увозят. Не говоря уже о том, сколько народу сгинуло в результате всевозможных экспериментов. Это еще хорошо, что за ними «Псы» присматривают, иначе вся эта высоколобая братия безвылазно торчала бы за Периметром, как дети в песочнице.

– Кто такие эти «Псы»? – перевел тему Виктор, – Который раз уже слышу.

– Сводный отряд особого назначения. Занимаются охраной научных экспедиций, разведкой и разными силовыми операциями, – ответил Торпеда, делая очередной глоток коньяка, – Укомплектован различными специалистами, в основном из спецназа Внутренних Войск и отряда немедленного реагирования Космических Сил.

– Космических Сил, – поднял бровь Виктор, – А они тут что забыли?

– А вот и думай, что они тут забыли, – вставил фразу Борхес.

– У них под Городом какой-то секретный склад, – начал объяснять Торпеда, отмахнувшись от товарища, – Где-то возле промзоны центр управления полетами. Рядом несколько лабораторий. Как Медуза все накрыла, так туда стало не пробиться. Хотя то и дело снаряжают команды прорыва. Пока тшетно.

– О! – Борхес подсел ближе к столу, ткнул пальцем в сторону Куликова, – А знаешь, почему Медуза называется Медузой?

Виктор отрицательно покачал головой, и Борхес с удовольствием начал рассказывать:

– Официальное название этого участка нестабильности Объект 317, также известный как Объект «Горгона». Предположу, что в последнем случае название могло произойти от случаев необъяснимого столбняка, который поражал первых ликвидаторов катастрофы. Многие из них после некоторого времени работы в активной зоне Объекта застывали на месте в той или иной позе, словно статуи. Вывести их из этого состояния не получалось, живых по всем показателям людей вводили в искусственную кому. К слову, это очень схоже с синдромом «залипания»...

– Вот давай не будем про «залипание», – поморщился Торпеда, – Нехорошая тема к ночи глядя.

– Все, понял, – поднял ладони Борхес, – Не буду про «залипание».

Повернулся к Виктору, немного помолчал, пожевывая губу и хмуря брови.

– Про Медузу, – напомнил Куликов.

– А! Точно! – хлопнул себя по лбу Борхес, – Так вот, название «Горгона» дали по аналогии с мифом. А еще, если сверху посмотреть, то эта зона неизвестной активности очень похожа на выброшенную на берег медузу, которая в разные стороны свои щупальца раскидала. Она со временем одни щупальца втягивает, другие вытягивает. Это надо в динамике смотреть, на компьютере.

Виктор представил себе эту огромную кляксу, накрывшую Город и пригород, поежился.

– Она практически круглая?

– Да нет, – махнул рукой Борхес, – Она неправильной формы, вытянутая чуть на север и немного больше на запад.

– Я тебе карты завтра принесу, – сказал Торпеда, – Скаут сделал, как и обещал. Посмотришь. Помогу тебе некоторые важные метки нанести.

– Хорошо, – ответил Виктор.

– Ну? Еще по одной? – жизнерадостно произнес Борхес, тянясь к бутылке коньяка, – Уф, наелся. Курицу пробовали? Изумительная.

Он разлил всем коньяк, сыто улыбнулся, поднялся. Обвел рукой собравшихся:

– Хочу выпить за нас. Каждого сюда привела своя история, каждый по своим причинам топчет землю Медузы. Судьба распорядилась так, чтобы мы встретились и начали работать вместе. А раз так вышло, то значит самому провидению выгоден такой союз. Посему пусть он пронесет нас мимо всех ловушек и шальных пуль. Ура, команда!

Торпеда и Виктор, которые поднялись во время команды, с улыбкой отсалютовали, залпом выпили.

Когда вновь расселись и застучали вилками, закусывая, Виктор продолжил расспрашивать своих новых товарищей:

– Про ловушки я понял. Чего еще стоит опасаться за Периметром? Что, так необходимо автоматическое оружие? Это же уже, выходит, какие-то боевые действия в городских условиях.

– А так и есть, – кивнул Борхес, – Иной раз такая канонада, прям Сталинград!

– Да ладно тебе, – махнул на него Торпеда, – Скажешь тоже – Сталинград. Не видел ты, мужик, уличных боев.

С ухмылкой потрепав Борхеса по плечу, повернулся к Виктору:

– Бывает, постреливают. Но больше мелкими стычками, коротким огневым контактом. В затяжной бой никто старается не влезать, не равен час военные рядом. Да и сложно воевать на местности, где вдруг открывшаяся аномалия убьет тебя быстрее и неожиданнее, чем пуля.

– С кем воюем-то? – спросил Куликов.

– Да не то, чтобы воюем, – пожал плечами здоровяк, – Есть несколько бригад, которые считают, что мы их бизнес глушим. Есть просто бандиты, залетные гастролеры. Те же военные, но с ними связываться накладно. В основном все стараются дела решать миром, жить хочется всем. А так оружие больше для обороны. Медуза тварями кишит, только отгребай.

– Наслышан, – Виктор вспомнил красочные разговоры в баре со знакомыми инсайдерами, – Часто нападают?

– Зависит от местности. От Периметра их отжали, а вот ближе к центру конечно прямо зоопарк. Такие уроды, увидишь – не уснешь. И почти все агрессивны к человеку, а порой и друг к другу.

– Вот в такой момент и вспомнишь доброго Борхеса, – подмигнул Виктору захмелевший Борхес, – Скажешь спасибо за то, что хороший ствол тебе добыл.

– А уже достали чего? – оживился Виктор.

– Достали, – успокоил его Торпеда, – Сам все увидишь.

Сидели за столом еще около часа. Разговор плавно перешел от Медузы к более насущным проблемам. Поговорили о съемных квартирах, в которых живут инсайдеры, о далекой и мало понятной политике, о погоде и о легкодоступных женщинах. Ближе к полуночи, когда спиртное уже подошло к концу, Торпеда с Борхесом засобирались домой, грузно вылезая из-за стола. Виктор встал проводить гостей.

Уже на пороге, одевая ботинки, Торпеда, который, кажется, вообще не опьянел, участливо поинтересовался:

– Кот, ты как вообще, к работе готов?

Виктор не сразу понял, что обращаются к нему, поспешно ответил:

– Да давно уже! Вон, повязку с ноги сниму и хоть завтра в поход.

– Вот и отлично, – одобрительно кивнул Торпеда, – Через пару дней у нас запланирован выход. Так что готовься морально. Обмундирование подобрал?

– Да, Скауту спасибо.

– Вот и славно.

Инсайдеры попрощались и ушли. Виктор запер дверь и в задумчивости принялся за уборку. Проходя мимо окна, остановился, посмотрел на улицу.

В далеком доме мертвого города зажегся свет. Призывно, словно маяк. Одинокая лампочка в черной коробке большого здания. Здания без электричества, здания без людей, здания без жизни. Казалось, этот огонек горел прямо во лбу отражения Виктора в стекле.

Виктор тряхнул головой, отгоняя наваждение. Когда еще раз посмотрел в окно, то огонька уже не было. Несуществующий жилец лег спать.

Глава 8

По низкому небу стремительно проносились серые тучи, исчезая где-то в конце стрелой уходящей вдаль улицы. Высокая башня железнодорожного вокзала с остановившимися круглыми часами, казалось, упирается прямо в растекающиеся над головой грозовые кляксы.

Виктор помнил, как выросла среди серых привокзальных построек и грязных перронов паутинно-ажурная конструкция, невесомый на вид сказочный замок с башней, собранный из ослепительно белого пластика и огромных панорамных окон. На словно парящих в воздухе внутренних балконах располагались экзотические растения и цветы, уютные беседки кафе.

Все это было раньше, как теперь кажется, вечность назад. В другой жизни.

Тяжелые армейские ботинки с хрустом ступают по битому стеклу, по обломкам стенных панелей и мусору. Ослепительно белый цвет померк и погас, подернулся серой, грязной пленкой. Фасад вокзала, изящный и красивый, деформировался, словно от сильного жара, вздулся волдырями и изогнулся волнами. Уныло завывал ветер в пробитом пулями табло, стертые буквы и цифры указывали расписание поездов, которые сюда больше никогда не придут. В воздухе витал запах затхлости и грязи.

Куликов старался смотреть на все это беспристрастно, отстранено. Получалось не очень хорошо. Он помнил этот вокзал другим, это место было наполнено воспоминаниями. Вот отсюда зеленая и шумная электричка уносила их класс на пикник за город. С этого перрона он уезжал в армию. Вот тут он в последний раз поцеловал свою любимую девушку, уезжающую навсегда жить за границу.

Все это осталось в прошлом.

Он повернулся к товарищам, копающимся возле глубокого пролома в полу зала ожидания. Борхес светил фонариком вниз, Торпеда что-то искал в рюкзаке.

– Нет, Пятачок, – инсайдер с сомнением покачал головой, вглядываясь в темноту, – Что-то не нравится мне эти пчелы. Они наверняка делают неправильный мед.

– Да, это «ж-ж-ж» неспроста, – Торпеда наконец аккуратно извлек из рюкзака жестяную коробочку, ногтем подцепил крышку. Куликов с удивлением увидел внутри три презерватива, слегка наполненные прозрачной жидкостью, видимо водой. Инсайдер достал один стал привязывать к мотку бечевки.

– Смотри, пригодится, – Борхес кивком подозвал Куликова, и тот подошел ближе, заглядывая в пролом.

Часть пола обрушилась вниз, на метр в полость под зданием. Неизвестно что могло проделать такую дыру, но складывалось ощущение, что что-то снизу попросту вырвало участок бетонной плиты, обнажив рваные края и корявые концы арматуры.

В свете фонарика среди обломков бетона и досок перекрытия что-то блеснуло, что-то, по форме напоминающее маленькую морскую звезду. Эта звездочка лежала так аккуратно, словно ее специально кто-то туда положил.

Виктор опустил на корточки, присмотрелся. Но рассмотреть находку получше не получилось, по ней то и дело пробегала еле заметная рябь. Спустя время Куликов сообразил, что это не рябь на «звезде», а сам воздух дрожит внутри провала.

– Что это? – он поднял голову к Борхесу.

– А это, дорогой Кот, артефакт. Называется незамысловато – «звезда». Вещь, в принципе, бесполезная, но в определенных кругах безумно модная. Она умеет менять цвет в зависимости от настроения человека, с которым соприкасается. Бомонд ахает, охает и заказывает такие сувениры вагонами.

– Понятно. В чем подстава?

– Сейчас увидишь, – Борхес указал на Торпеду, – Капитошка готов?

Торпеда хохотнул, подняв резиновое изделие за хвостик-бечевку:

– Прошу любить и жаловать, мое изобретение. Капитошка, друг инсайдера. Спасает жизнь, молчалив, не заносчив.

Торпеда встал над провалом и стал потихоньку опускать презерватив на веревке. Виктор терпеливо ждал, наблюдая за действием.

Борхес положил руки на автомат, висящий на груди, процитировал:

– Замечательно и входит и выходит.

Презерватив, покачиваясь, опустился ниже уровня пола, преодолев половину пути. Воздух вокруг него задрожал, он вдруг стремительно распух и с громким хлопком лопнул, разбрызгав жидкость.

Куликов вздрогнул, хмыкнул озадаченно. Перевел взгляд на товарищей, требуя объяснений.

Торпеда быстро смотал бечевку, отцепил и выбросил обрывок презерватива.

– Так я и думал, – инсайдер удовлетворенно кивнул, выудил из кармана разгрузочного жилета две маленькие телескопические трубки с лопастями, раздвинул их. Трубки превратились в маленькие лопатки с длинными ножками, – Придется мучиться.

Торпеда лег на живот и погрузил конструкцию в пролом, стараясь не опускать туда руки.

– Если тебе кажется, что что-то не так, то будь уверен – что-то действительно не так, – Борхес деловито принялся комментировать происходящее, – Если тебе что-то не нравится – значит на то однозначно есть причины. Есть возможность – проверь. Нет – не суйся вообще. Третьего не дано. К примеру, тут у нас оказалась ловушка, именуемая «хлопушкой». Это зона резкого перепада давления. Влетишь в такую и бум, – он звонко хлопнул в ладоши, – тебя уже разорвало на кучу маленьких медвежат. Неприятный аттракцион.

Тем временем Торпеда отчаянно пытался одной лопаткой загнать в другую артефакт. «Звезда» цеплялась концами за доски и не желала перемещаться, то и дело вываливаясь из совочка. Торпеда играл желваками, но не сдавался.

Краем глаза Куликов заметил, как завертел головой Борхес. Повернувшись к нему, хотел было спросить, в чем дело, когда до его слуха донесся еле слышный звук шагов. Звук шел с улицы, со стороны выхода из зала. Кто-то неторопливо брел в их сторону, подволакивая ноги по щебенке железнодорожной насыпи.

– Торпеда, – тихонько окликнул товарища Борхес.

– Слышу, – отозвался здоровяк. Он быстрее завозился возле пролома, орудуя совочками, но тщетно – артефакт не желал поддаваться. Торпеда, наконец, зло прошипел что-то сквозь зубы, осторожно вытащил шупы и поднялся с пола. Куликов заметил, что совочки немного погнуты и почернели.

Торпеда недовольно глянул в сторону несговорчивой «звезды», отбросил в сторону испорченные шупы. Подхватил прислоненную к стене СВД, коротко скомандовал:

– В укрытие. Стрелять по команде.

Он в несколько быстрых, но бесшумных шагов оказался за ржавым остовом старого кофейного павильона, взял на прицел дверной проем. Борхес молча подтолкнул Куликова в сторону небольшого закутка за лестничным пролетом. Заняли позицию, разместив оружие на разбитых ступеньках.

Шаги приближались. Невидимый человек шагал словно метроном, размеренно и неторопливо. Куликов исподтишка бросил взгляд на Борхеса. Инсайдер выглядел спокойно, лишь что-то беззвучно шептал, прижавшись щекой к прикладу автомата. Кажется, он пел.

Шаги внезапно прекратились. В наступившей тишине Виктор слышал лишь свое дыхание, да скрипел песок под ногами Борхеса. Бросил взгляд на противоположную сторону зала, на Торпеду, но тот полностью был скрыт за гнилой полосой металла.

Шаги возобновились, уже ближе. Подошвы теперь шуршали по перрону, стучая о стыки плит. Ближе и ближе. Вот уже возле самого входа.

Куликову стало не по себе, когда в светлом квадрате дверного проема появилась сгорбленная человеческая фигура в «песчаном» камуфляже, покрытом струпьями засохшей грязи. Человек двигался словно робот, тяжело переставляя ноги, опущенные вдоль тела руки безвольно болтались при движении. Голову странный незнакомец опустил на грудь, свесив пыльную и спутанную челку грязно-пшеничного цвета. За спиной у него висел крупный рюкзак, оружия видно не было.

Руки человека Виктору не понравились. Оголенные по локоть, они были неприятного желтоватого цвета, как у трупа, все исцарапанные, со множеством похожих на подкожные прыщи бугорков.

Человек остановился, словно налетел на невидимую стену. Левая рука у него чуть дернулась, судорогой пробежала мелкая дрожь от пальцев до плеча. Безвольно мотнулась голова, неприятно хрустнули позвонки. Незнакомец задрожал всем телом, вдруг резко повернулся и пошagal в сторону затаившегося Торпеды.

– Вот же зараза, – выругался Борхес и неожиданного громко крикнул, – Торпеда! Он к тебе идет!

– Да вижу! Выводим на «хлопушку».

Бывший спецназовец кубарем выкатился из-за укрытия, рассерженной кошкой отскочил в сторону. Странное существо двигалось за ним как по наводке, неторопливо и неотвратно.

– Вот же прицепился, – буркнул Борхес, выходя в зал, – Только не подпускай его близко к себе.

Куликов, ничего не понимая, продолжал держать бредущего незнакомца на мушке, быстрым движением вытирая миглом вспотевшие ладони о штанины. Что делать? Стрелять? Не стрелять? Если не стрелять, то почему?

Торпеда тем временем поставил винтовку к стенке, неторопливо пятился от идущего к нему существа. Будто заманивал, наклоняясь вперед и обходя по кругу, вытаскивая из кобуры пистолет. Его преследователь послушно следовал за ним, время от времени конвульсивно подергиваясь. Борхес по широкой дуге обошел чужака и прицелился в спину.

– Стрелять? – вопрошающе крикнул Виктор.

– Нет, – мотнул головой Борхес, – Рано.

Странный человек двигался в сторону Торпеды, замечая мусор еле поднимающимися ногами. До Куликова донеслась вонь, исходящая от этого существа. Пахло землей, гниением и сыростью.

Торпеда отступал назад, к пролому с «хлопушкой», выдерживая между собой и чужаком неизменное расстояние в четыре-пять метров. Борхес, оставшийся за спиной существа, припал на колено, выцеливая грязный рюкзак. Куликов молча наблюдал за происходящим – инсайдеры выполняли какую-то одним им понятную схему.

Когда Торпеда оказался на самом краю пролома, он остановился и как-то весь подобрался, напряжился. Существо упорно шло на него, расстояние между ними неминуемо сокращалось. Бросив быстрый взгляд на Борхеса, Виктор увидел, что и тот напрягся в ожидании чего-то, нервно перебирая пальцами на цевье автомата. Сейчас что-то должно произойти.

– Ну же, раскрывайся! – кинул в лицо приближающемуся существу Торпеда. И прежде чем Куликов понял смысл этой фразы, человек «раскрылся».

Сначала Куликову показалось, что существо захотело ответить инсайдеру, подняло голову. Он увидел бледное, ужасно худое лицо, открытый рот с вывалившимся языком, закатившиеся глаза. Кожу покрывали ужасные язвы, среди них густой россыпью виднелись мелкие сочащиеся бледной жидкостью ранки, словно человека ожесточенно тыкали в щеки и лоб шилом. И это лицо вдруг стало раздуваться изнутри, выпирая безобразными буграми. Тело

лихорадочно затряслось, внутри него будто включили блендер. Противно затрещала кожа, лопааясь и расплываясь.

– Огонь! – заорал Торпеда и длинной стрелой прыгнул в сторону, уходя перекатом с линии огня. В ту же секунду ожил Борхес, послав длинную очередь в спину раздираемого изнутри человека. Пули с характерным чавканьем прошли рюкзак, китель, некоторые прошли тело навывлет. Существо, которое стало похоже на готовый вот-вот лопнуть помидор, бросило вперед, в пролом. Мелькнули толстые тумбы раздувшихся рук и ног, тело несчастного рухнуло вниз, в ловушку. И тут же раздался глухой хлопок, на края пролома плеснуло кроваво-желтым.

Эхо выстрелов затихло под сводами разрушенного вокзала, со звоном откатилась в угол горячая гильза. Вновь наступила тишина.

Куликов, который так и не сделал ни единого выстрела, оторопело смотрел на черный зев пролома, в котором исчезло существо. Из головы вышибло все мысли, все эмоции. Остался лишь шок от увиденного.

Из столбняка его вывело кряхтение Борхеса, который тяжело поднялся с колена. Виктор с трудом разжал пальцы, застывшие на цевье автомата, сжал и разжал кулаки. Глубоко вдохнул и долго, протяжно выдохнул. Закинул автомат на плечо и на деревянных ногах пошел к пролому. Он должен был увидеть, просто обязан был.

Мимо него прошел Торпеда, потирающий ушибленное при падении плечо. Он ободряюще хлопнул Куликова по плечу, посоветовал:

– Только очень близко не подходи, опасно.

Виктор остановился в метре от дыры в полу. С отвращением заметил мелкое подергивание в красно-желтой жиже, расплесканной по краям. Присмотревшись, он заметил сотни, тысячи маленьких черных червей, которыми кишели останки человека. Каждый червь был не толще иголки и не длиннее карандаша. Их тельца яростно извивались, с немыслимой скоростью бросаясь из стороны в сторону. Виктора передернуло от отвращения, он отошел назад.

Подошел Торпеда, протянул открытую армейскую флягу. Виктор принял жестяной сосуд, принялся. Резко запахло коньяком.

– Ну, с крещением, братец, – Торпеда невесело ухмыльнулся и Куликов запрокинув голову сделал большой глоток. Теплая жидкость обожгла горло, теплой волной прошла по пищеводу в желудок. Виктор крякнул, передал флягу Торпедой. Тот отсалютовал останкам инсайдера, пробормотал «Покойся с миром» и тоже приложился губами к нарезному горлышку.

– Что это было? – наконец спросил Виктор, – Я такого никогда не видел.

– И слава богу, – уверил его Торпеда, передавая флягу подошедшему Борхесу, – Очень, очень отвратительная вещь.

– Черт, «звезда» гикнулась, – невпопад вставил Борхес, отхлебывая коньяк.

– Плохая смерть. Врагу не пожелаешь, – хмуро сказал Торпеда, – Мы их называем «ходаками». В этих местах давно не появлялось, видимо издали пришел.

Куликов слушал, заворочено наблюдая за бесновавшимися в отдалении червями. Борхес похлопал его по плечу, привлекая внимание.

– Есть тут такая гадость, называется «бурдюк». Это такие небольшие органические мешочки, похожие на вытянутые вниз улы, – Борхес пальцами изобразил в воздухе подобный улей, – Висит себе этот «бурдюк» спокойно где-нибудь в темном углу, под потолком, есть не просит. Долго может висеть, неделями. Но стоит пройти под ним живому существу, как улей лопаается и окатывает бедолагу душем из червяков-паразитов. За доли секунд они проникают через поры под кожу, а оттуда растекаются по всему организму, локализуясь вдоль позвоночника и в мозговой жидкости. И тут-то начинают активно размножаться, используя в качестве питательной среды носителя. Примерно через четыре-пять дней существо превращается в такого вот «ходака», – он кивнул в сторону пролома, – Становится ходячим коконом для

паразитов. До конца не изучено, жив ли носитель до конца срока инкубации или нет, но эти паразиты каким-то образом могут управлять телом. Видимо, как-то воздействуют на участки мозга, ответственные за моторику и работу двигательной системы. Как бы там ни было, но через пару недель наступает пик инкубационного периода. «Ходок» так сказать раскрывается, взрываясь от избытка паразитов. Черви, словно мощные пружины распрямляются, с большой скоростью разлетаются в разные стороны на несколько метров. Самое неприятное, что «ходок» может раскрыться и раньше, чем окончится период. Нужны лишь раздражающие внешние факторы.

– Какие? – спросил Виктор, но понял все еще до ответа Борхеса.

– Другие претенденты на «ходока», – подтвердил его догадку инсайдер, – Эти черви способны с нескольких метров прошить кожный покров и внедриться в тело жертвы. Увы, после этого живое существо уже не спасти, «бурдюк» не лечится. Те же из червей, которые никуда не попали, собираются в темном и влажном месте, где и организуют новый улей.

– Если они так опасны, – Куликов непроизвольно отступил от пролома с остатками живых паразитов еще на шаг, – К чему тогда все эти догонялки? Завалили бы «ходока» еще в дверях.

– Увы, – развел руками Борхес, – Пули не способны убить всех червей в организме, чтобы разрушить носителя. Ты пробовал стрелять в муравейник? К тому же, паразиты частично регенерируют утраченные ткани. С «ходоками» и ульями борются огнем, места обитания паразитов периодически выжигаются специальными бригадой чистильщиков из института.

– Учитывая, что мы не слишком далеко ушли от Периметра, – подал голос Торпеда, – встреча тут с «ходоком» была маловероятной. Что ж, раз забредают и сюда, придется стать еще осторожнее.

– Это точно, – согласился с ним Борхес, – Неровен час...

– Типун тебе на язык! – осадил товарища суеверный Торпеда.

– А вы откуда такие подробности про всю эту гадость знаете? – спросил Виктор.

– У нас вон, свой институтский головастик есть, – кивнул на Борхеса здоровяк, – Доктор биологических наук, между прочим.

– Да ладно! – поразился Куликов, – Из этого НИИ, что под боком?

– Когда-то, – нехотя ответил Борхес, – Но дело прошлое, туманом времени покрытое.

– Выгнали его, – толкнул локтем товарища Торпеда, беззлобно усмехнувшись, – Начальнику сектора в репу дал.

– За что?

– За несовместимость методов изучения с морально-этическими принципами, – нетерпеливо завершил беседу Борхес и отрезал, – Все, хватит. Было и было. Давно уже нет.

Виктор новым взглядом посмотрел на доктора наук, который больше походил на обвешанного оружием повстанца, уважительно кивнул. Он всегда с легкой завистью относился к людям, достигшим чего-либо своим умом. Правда, зачастую не обоснованно, считал их далекими от жизни по эту сторону лабораторий и кабинетов, но тут он оказался приятно удивлен – мало того, что его товарищ имеет степень, так еще и в рожу начальству съездил. А теперь вон, с автоматом наперевес бегают. Молодец, что тут скажешь.

Торпеда сверил часы, сделал запись в маленьком блокноте. Поправил лямки рюкзака, деловито произнес:

– Все, мужики, застоялись. Пора выдвигаться. Если успеем, то пройдем еще несколько точек, может, наткнемся на что-нибудь стоящее. Уходим.

Глава 9

Продажа артефактов прошла быстро и незаметно. Виктор представлял себе что-то вроде сцен из гангстерских боевиков, когда на стол седому скупщику вываливают добычу и он, прищурившись, рассматривает блестящие драгоценности на свет старой лампы. На деле же все прошло настолько обыденно, насколько это можно себе представить – Торпеда перекинулся парой фраз с барменом Костей, тот назвал ему адрес. По указанному адресу, который находился в одном из ближайших от «Малой Земли» домов, Торпеда спустился в подвал, несколько раз постучал в массивную дверь. Ему открыли и он скрылся в темноте. Через несколько минут его фигура вынырнула из боковой пристройки, за плечом висел уже опустошенный рюкзак. Все, сделка оказалась законченной.

Как понял Куликов, каждый раз адреса были разные, это исключало возможность засады. Впрочем, насколько он уже смог разобраться в хитросплетении отношений людей в районе Медузы, нападение на точку скупки было чревато для лихих парней, буде те нашлись бы. Что же до правоохранителей, то они делали вид, что и знать не знают о происходящем. Как в свое время и сказал Виктору Стас, деньги творили чудеса на всех уровнях власти.

Вернулись в «Малую Землю». Опустились за свободный столик, помахав знакомым проходчикам и инсайдерам.

– Сколько? – осведомился наконец Борхес у товарища.

– На сколько наработали, – ответил Торпеда, показывая растопыренную пятерню, – Вроде не обидели. Кстати, вот еще что...

Он залез в нагрудный карман и выудил свернутую вчетверо карту Города, запечатанную в целлофан.

– Бобер просил нам передать, что есть один заказик. Покупателю нужен «глаз», причем в короткие сроки. Оплата более чем достойная. Плюс, если ускоримся максимально, то возможны премиальные, – Торпеда развернул карту, положил ее перед товарищами на стол.

Карта оказалась очень хорошего качества. Видимо, для нее специально заказывали спутниковую съемку высокой точности. Должно быть, Торпеда неплохо раскошелится. Та карта, которую Виктору достал Скаут, в сравнении с этой походила на детский рисунок, была слишком схематичной и чуть ли не от руки дорисованной. Скаут, правда, уверял, что подобной пользуются все инсайдеры, что на ней всего удобнее пометать постоянно сдвигающиеся ловушки. Спорить с ним Куликов не стал, но в будущем зарекался найти себе карту получше. Вот, примерно такую, которую видел сейчас перед собой.

На карте Торпеды весь город был словно на ладони, до мельчайших подробностей, до каждой захудалой покрывки. Карту усеивали различные геометрические значки и цифры, нанесенные самим инсайдером и абсолютно непонятные непосвященному.

Торпеда ткнул пальцем в точку на карте, находящуюся в районе новостроек на окраине города.

– Где-то тут должен стоять двенадцатизэтажный дом синего цвета с мозаикой на фасаде. Кстати, Борхес, похоже, это то самое нехорошее здание, помнишь?

– Оно самое. Плохое место, – нахмурился Борхес, задумчиво уставившись на карту.

– Плохое, – подтвердил Торпеда, – Да только где ты еще «глаз» видел?

Борхес согласно пожал плечами.

– Придется идти уже завтра, пока заказ не уплыл, – продолжил Торпеда, – Я попрошу Скаута, чтобы прикрыл. Откинем ему немного, но это лучше, чем торчать одним на самом виду у военных. Там рядом институтская тропа проходит, – пояснил он Виктору, – Я планирую выдвинуться днем, часов в одиннадцать. До темноты должны управиться.

– Хотелось бы. В темноте я там ползать не хочу. Ладно, прорвемся, – Борхес обреченно вздохнул, с криканием поднялся и собрался идти к стойке, – Есть будете? Я закажу.

Виктор кивнул, сказал: «На свое усмотрение». Торпеда отказался, изучая карту, лишь попросил чашку кофе.

Борхес ушел к Костику.

Торпеда откинулся на спинку стула, задумчиво покусывая нижнюю губу. Его взгляд блуждал по хитросплетениям улиц на карте, инсайдер явно озабочился предстоявшим походом.

Виктор в свою очередь тоже склонился над столом, не сразу, но узнавая родные места, опоясанные колючей проволокой Периметра.

– Скажи мне, Торпеда, а где воронка?

– Что? – инсайдер вышел из задумчивости и поднял глаза на Куликова, – Ты что-то спросил?

– Я говорю, воронка от взрыва где?

– От какого взрыва? – не понял Торпеда.

– Ну, как от какого? – теперь пришла очередь Виктора удивляться, – Из-за которого, говорят, Медуза образовалась. Ну, упал самолет, поднялся туман и все такое.

– А, ты про это, – инсайдер махнул широкой ладонью, – Слышал такую версию.

– Версию? – Виктор хмыкнул, – А разве не так все было?

– Борхес, – Торпеда обратился к подошедшему с подносом другу, – Ты слышал про историю с самолетом?

Борхес крикнул, сел за стол, поставил перед Виктором тарелку дымящегося пюре с пузатыми сосисками и горсткой зеленого горошка, стакан сока. Торпедке передал чашку кофе. Себе оставил еще одну тарелку с пюре, нетерпеливо стал ковыряться в нем вилкой, перемешивая.

– Ну-ка, напомните о чем речь, Что за самолет? – обратился он к товарищам.

Виктор вкратце рассказал им услышанную по телевизору историю об упавшем грузовом самолете, вследствие чего произошла катастрофа. Вроде как самолет был грузовым и принадлежал Министерству Чрезвычайных Ситуаций, хотя последние все отрицают. Именно эта версия чаще всего мелькала в СМИ и в иных источниках. Особенно телевизионщики любили показывать видеосъемку большой воронки на окраине Города, которая осталась после крушения.

Инсайдеры слушали внимательно, время от времени скептически кивая и ухмыляясь. Когда Виктор закончил рассказ, Торпеда сказал:

– Все так. Именно эта версия и есть официальная. Только вот я тут сколько кручусь, но ни разу не встречал следов той авиакатастрофы. Нам другое рассказывали. А про воронку я тебе так скажу – не могли эту воронку журналисты с вертолета снимать, здесь вертолеты не летают, сыплются на землю как комары от мази «Тайга». Комитетчики вон еле приспособились, летают редко и то по особым случаям. Борхес, ты что там в своем НИИ об этом самолете слышал?

– Насколько я знаю, история с самолетом действительно фигурировала в открытых отчетах исследовательских групп, но нам не было дано указаний рассматривать ее как рабочую, – Борхес со вкусом откусил сосиску, приснувшую теплым соком, – Но скажу другое, мой отдел особенно не допускали к внутренним секретам. Мы же под патронажем военных работали, а у них столько уровней секретности, что сам черт не разберет где информация, а где откровенная липа. Помню, еще одна версия была, мне о ней один полковник с пьяных глаз поведал. Якобы произошла утечка какого-то биологического оружия на одном из военных складов, которых в окрестностях города наткано хоть отбавляй. Мол, это вызвало необратимые изменения, и город пришлось закрыть для дезактивации последствий. Даже виновных нашли и наказали. Естественно, все ловушки – это побочные явления утечки. Но в большинстве случаев всего лишь галлюцинации лиц, надыхавшихся местного воздуха. Только вот мы, научный персонал,

понимали, что версия не выдерживает абсолютно никакой критики. Но именно такой вариант преподносился проверяющим из различных ведомств.

– Сдается мне, что в отчетах для тех, кто наверху, была припасена еще какая-нибудь версия происшествия, – предположил Куликов.

– Не удивлюсь, – не стал спорить Борхес, – Единственный вывод, который можно сделать из этой чехарды с возникновением Медузы, так это то, что никто толком не знает, что произошло.

– Или знает, но молчит, – вставил Торпеда.

– Возможно, – опять же согласился жующий Борхес, – Здесь вообще у каждого своя версия. По бару пройдишь, с десяток наберется.

– А сам-то ты что думаешь? – спросил у бывшего сотрудника НИИ Куликов, – Как появилась Медуза?

– Ну, возможно она покажется немного бредовой, но пусть мне кто-нибудь скажет, что моя версия не имеет права на жизнь, – Борхес начал размахивать вилкой, увлеченно рассказывая, – Я считаю, что Медуза это свалка, оставшаяся от прибытия внеземного разума. Ну, словно туристы, пришли, пообедали, рыбу пожарили, костер пожгли. Остались на траве валяться банки из-под консервов, обертки, кости. Где-то масло от машины капнуло, куда-то окурок упал. Короче, загадили полянку по полной программе. И вот суетятся по этой полянке муравьи и не понимают, что стало с их муравейником. Один в масле залип, второй в угли попал, сгорел. Ловушки, блин. А особо верткие муравьи разный мусор в новый дом тащат. Их инсайдерами называют. Там есть одно место, я тебе потом на карте покажу, похоже на место посадки – гладкая ровная площадка, словно лысина. Правда, не подойти к ней никак, окочуришься на подходе. Там инопланетяне и высаживались. Такая вот моя версия.

– Научно, ничего не скажешь, – хмыкнул Виктор, – К слову, где-то я об этом читал.

– Да? – искренне изумился Борхес, потом торжествующе повернулся к Торпедо, который невозмутимо пил кофе, произнес, – Вот, не я один такой. Видишь, пишут даже об этом. Нет, брат, мысль – вещь материальная, если уж появилась у кого, обязательно кто-нибудь еще ее поймает.

Торпеда усмехнулся, свернул карту.

– Борхес, я не спорю. Пусть будут инопланетяне, лишь бы не мешали.

– А у тебя какая версия? – спросил его Куликов.

– А нет у меня никакой версии. Медуза есть, вот она. Вот я, дышу и живу. И меня заботит больше как нам существовать вместе, а не то откуда она.

– И что, совсем никаких мыслей на этот счет?

Торпеда помялся, потом капитулировал:

– Земля мстит. Борхес прав, загадили ее. Только не инопланетяне, а мы сами. Медуза это опухоль, пожирающая все вокруг. Она же растет, – Торпеда стукнул пальцем по сложенной карте, – Да-да, растет. По несколько сантиметров в год, но растет. Знаешь, как пустыня наступает? Медленно, да только где теперь те города, что оказались у нее на пути? Нет их. Так что я стараюсь не задумываться о том, что да как. Все, что еще можно было сделать, люди уже упустили. И не нам что-то менять. А про появление этой самой Медузы я ничего не могу сказать, гадать не приучен.

Торпеда замолчал, Виктор удовлетворенно кивнул.

– Кстати, о версиях, – Борхес подбородком указал на входную дверь, – Вон, еще адепты одной из них пожаловали.

Торпеда с Куликовым обернулись. Торпеда недовольно проговорил:

– Не закрытый клуб, а проходной двор, ей Богу. Распустили бармены народец, нечего сказать.

На пороге стояли пятеро мужчин в длиннополых плащах с капюшонами, тихо переговариваясь между собой, склонив головы. Они походили друг на друга, словно доски в заборе – все одинаково одеты, одинаково коротко пострижены, практически одного роста.

Гости в плащах о чем-то договорились, пересекли зал и заняли самый дальний столик, зыркая оттуда глазами по сторонам.

– Это кто? – спросил Куликов.

– Сектанты, – ответил Борхес, отодвигая пустую тарелку в сторону, – По их версии тут что-то вроде Второго Пришествия происходит. Надо с Костей поговорить, на кой черт он их пускает сюда.

Куликов внимательно пригляделся к пришедшим. Четверо из них не старше двадцати пяти, настороженные, собранные. Смотрят прямо, без страха. Пятый, судя по всему, являлся среди них старшим, причем не только по возрасту, но и по положению. Хмурый мужчина в очках с толстой оправой, небольшой залысиной на макушке, худым лицом и выступающими скулами. Лицо строго учителя математики, лектора в ВУЗе, беспощадного к своим студентам.

Мужчина почувствовал на себе взгляд Виктора, обернулся. Куликов выдержал взгляд сощуренных водянистых глаз, которые, впрочем, разглядывали его без особого интереса. Человек вновь отвернулся к своим.

– Ладно, мужчины, – Торпеда потянулся, – Пора по домам. Я сегодня еще помыться успеть хочу, пока вода есть. Кот, у тебя тут душ работает?

– Да, Бобер на прошлой неделе починил.

– Вот и хорошо. Ты тоже ополоснись, легче дышаться будет, честно. Ладно, до завтра.

Торпеда поднялся, крепко пожал протянутые ладони, направился к выходу. Минут через десять ушел и Борхес, пожелав на прощание Куликову спокойного вечера.

Но вечер вышел не таким спокойным, как хотелось бы.

По пути на выход Виктор остановился у стойки, разговорился с Костиком. Посмотрел на часы, решил уже прощаться, но подошли Седой и Стэп из команды Скаута. Слово за слово, поздравили с почином, угостили пивом. Так прошло еще полчаса.

В зале стоял возбужденный гул, сигаретный дым сизым облаком висел в воздухе, стучали ложки, кружки, кубики игроков в нарды, когда входная дверь с шумом распахнулась от хорошего пинка ног. Костик раздосадовано произнес фразу: «Кого там? Опять магнит отключили, лентяи!», но тут же умолк, потому что в зал вошла команда из семи человек. То, что они были командой, Виктор определил сразу, очень слаженно двигались, как единый механизм.

Все бритые, подтянутые, спортивные. Опасные. Двое были даже здоровее Торпеды, таких Куликов встречал впервые. Расположились так, чтобы прикрывать друг друга, держать в поле зрения весь объем помещения. И это Виктору не понравилось, явно агрессивный подход к ситуации.

Лица у пришлых были отнюдь не добрые. Решительные были лица.

В зале замолкли голоса, десятки людей повернули головы в сторону дверей.

– «Псы», – с плохо скрываемым страхом проговорил Костик.

«Псы», – мелькнуло в голове Куликова, – «Военный спецназ!».

Один из военных выступил вперед, взглядом из-под насупленных бровей окинул зал.

– Слушайте все сюда, – голос был низкий и злой, – Кто-то из ваших сегодня ночью ограбил нашего человека. И мы хотим, чтобы вы выдали нам этого урода. Сейчас. Иначе плохо станет всем.

Люди в зале зашептались, многие стали подниматься из-за столов. Судя по их лицам, уступать военным на своей земле они не собирались. Впрочем, несмотря на численный перевес инсайдеров, «псы» не думали пасовать. Куликов подозревал, что на то были причины.

Пауза затягивалась, и представитель военных недобро ухмыльнулся:

– Хорошо, поговорим иначе.

Он быстро окинул взглядом зал, его глаза остановились на Куликове, который стоял у барной стойки как раз между спецназовцами и инсайдерами.

– Ты, – резко сказал военный, тыкая пальцем в сторону Виктора, – Сюда иди.

– Марат, он новенький, – выступил вперед Седой, – Он никого тут не знает еще.

– Да ну? – спецназовец, которого назвали Маратом прищурил глаз, – Еще один барахольщик объявился?

Виктор молчал, спокойно разглядывая военных. При любом исходе падать лицом в грязь он не собирался.

Седой вновь вставил фразу:

– Марат, не трогай парня.

Марат перевел взгляд на Седого, сквозь зубы процедил:

– Седой, ты что, за разводящего идешь?

Седой насупился, но не отступил, кинув быстрый взгляд на Виктора:

– Разводящие на переездах стоят. С чего ты вообще взял, что это наши?

Марат достал из кармана куртки небольшой, с сигаретную пачку, брусок темно-зеленого металла.

– Эй, новенький, знаешь что это? Или не дорос еще?

Куликов молчал, наблюдая за Маратом.

– Что, не нравлюсь?

– Мне замуж тебя не звать, – огрызнулся Виктор.

– Отцепись от парня, – пробасил кто-то из зала.

– Поговори там! – прогудел один из спецназовцев, необхватный детина со сбитыми костяшками на руках.

– Седой, узнаешь коробочку? – продолжил разговор Марат.

– Узнаю.

– Дорогая работа, штучная. Без начинки, правда, но все равно, – военный покрутил в руках брусок, – Такими только вы пользуетесь, согласен?

Седой мотнул головой, шагнул вперед:

– Слушай, Марат, – инсайдер говорил не громко, но убедительно, – Не мне тебе напоминать сколько в городе бригад. И совсем не факт, что это именно наши, тут тебе крыть нечем. Даже если и выяснится, что замешан кто-то из присутствующих, то выдавать мы вам никого не собираемся, сами разберемся, а надо будет и накажем. Это понятно?

Наступила напряженная пауза. Марат не то обдумывал услышанное, не то принимал решение. Инсайдеры стихли, некоторые на всякий случай потянулись к полупустым пивным бутылкам, готовясь к драке. Виктор все же надеялся на мирный исход, не желая биться со сплоченной командой разъяренных спецназовцев. Себе дороже.

Наконец Марат покачал головой, тяжело вздохнул, словно какое-то решение далось ему вопреки желанию. Улыбнулся, глядя прямо Седому в лицо:

– Нет, Седой, не вариант. Но ваш выбор я понял.

Повернулся к своим и кивнул.

Тут же команда пришла в движение, ступком силы и напора устремилась в толпу инсайдера. Полетели на пол перевернутые стулья, со звоном грохнула об пол посуда, раздались злобные выкрики и ругань, воздух сразу стал ощутимо горячим.

Но прежде, чем «псы» оскаленной стаей врубились в толпу, прежде чем Виктор успел выбрать позицию для драки, в дело вступила третья сила.

– Смирно! – волевой голос резанул по ушам, заставляя всех присутствующих вжать голову в плечи. «Псы» моментально превратились в оловянных солдатиков, замерли, вытянувшись по струнке, кто где стоял и, кажется, даже перестали дышать.

У входной двери стояли Бобер, испуганная официантка Ниночка и незнакомый Виктору мужчина в полевой форме цвета хаки с майорскими звездами на погонах. Мужчина был невысокого роста, сухощав и жилист. Сразу бросалось его сходство с пришедшими спецназовцами, похожая короткая прическа и тяжелый взгляд из-под нахмуренных бровей. Вот только гнев его был направлен не на инсайдеров, а на притихших «псов».

Майор стоял чуть впереди Бобра, заложив руки за спину и задумчиво покачиваясь с пятки на носок. Бобер наклонился и что-то прошептал ему, указывая на спецназовцев.

– Старшина, – голос капитана не предвещал ничего хорошего подчиненным, – Построение на улице. Выполнять.

«Псов» выдуло на улицу, лишь хлопнула дверь. Майор коротко кивнул Бобру и вышел следом. В зале облегченно выдохнули.

– Это кто был? – спросил Куликов у разом повеселевшего Костики.

– Ницин Игорь Игоревич, командир спецназа, – пояснил он, вытирая бледное лицо, – Уф, обошлось! Я уж думал все, от бара одни щепы останутся. Надо Бобру сказать, чтобы нашел тех, кто магнит отключил. Видите ли ходить им туда-сюда мешает...

– Да, могло получиться сурово. Ладно, пойду, покурю на свежем воздухе и спать. Засиделся я, – Виктор махнул на прощание Костику, вышел на улицу.

Поднявшись по ступенькам, Куликов столкнулся с Бобром. Тот стоял в дверном проеме, прислонившись к косяку, и с ленцой потягивал сигарету, наблюдая за мокнущим под дождем строем «псов».

– Что тут? – спросил Виктор, прикуривая.

– Аутодафе, – ответил хозяин заведения.

Спецназовцы стояли под проливным дождем и жадно пожирали глазами своего командира, который неторопливо прохаживался перед ними туда-сюда. Майор вымок, но это, казалось, его совсем не заботило. Он выглядел карликом по сравнению со своими высокими и крепкими подчиненными, но этот факт внушал еще больше уважения к сублильному майору. Вещал, как хороший ментор, размеренно и четко. Голос, чуть презрительный и высокомерный, словно гвозди вбивал в монолитный строй слово за словом. И здоровенные спецназовцы с каким-то гипнотическим страхом и обожанием слушали, затаив дыхание.

– Мы будем делать выводы из этого происшествия. Мы будем делать выводы, и я говорю вам – забудьте об увольнительных. Я скажу больше, даже если сам Господь Бог скажет мне: «Раб Божий, Игорь Игоревич, отпусти Раба Божьего Лисицына в увольнение», то я спрошу, чем этот Лисицын сумел угодить Создателю, потому как моим требованиям он абсолютно не соответствует. И если вы лишь шайка гопников с прокисшими от сивушной браги мозгами, то катитесь к своим маменькам и папенькам усложнять им жизнь. Со мной это не пройдет. Я готовлю солдат, псов, охотников. А вы доказываете всем, что я ошибаюсь. Вы из кожи вон лезете, чтобы насрать на все мои усилия. Да, Лапин?

Здоровый детина виновато опустил глаза.

– Старшина, Лапин болен? – не поворачивая головы, обратился майор.

– Никак нет! – Марат, стоящий во главе строя, рявкнул так, что, казалось, разбудил весь город.

– А какого хрена он молчит? – майор остановился перед старшиной, снизу вверх смотря на подчиненного, – И что вам за цена, если вас инсайдеры бьют? Молчать! Да, бьют. Бьют, – он презрительно оттопырил нижнюю губу, – И нечего мне свой оскал тут демонстрировать, я тебе не кость предлагаю. Вы что о себе возомнили? Вы думаете, что вы крутые? Ах, я и забыл, вы же «Псы», церберы Медузы, да? Бабам своим так навораживаете на уши?

Строй предусмотрительно молчал.

Виктор наклонился к Бобру:

– Что за цирк?

– Метод воспитания, – пожал плечами Бобер, – И они сейчас со стыда сейчас сгорают, и нам эдакая демонстрация кто в песочнице хозяин. Ницин на этот счет жук еще тот, старая псина. Его хрен на кривой объедешь. За своих душу продаст, но и своим спуску не дает. Так что смотри, такое не часто увидишь.

Майор тем временем продолжил свой путь перед строем.

– Мы – единственные блюстители закона в Медузе. Мы – единственный закон Медузы. Кому это не понятно я лично буду вбивать до кровавых мальчиков осознание правоты своих слов. И если вы, мать вашу через колено, позволяете себя лупцевать по подворотням, то какой закон вы можете защищать? Но я из всего делаю выводы и выводы в правильную сторону. Поздравляю вас, я нашел еще одно слабое место в нашей безупречной подготовке. И я обещаю, я не слезу с ваших дохлых плеч до тех пор, пока не исправлю это.

По строю прошелся ропот. Майор остановился, с деланным удивление поднял бровь и спокойным голосом произнес:

– Упор лежа принять.

Спецназ покорно опустил животами в грязную лужу. Куликов покачал головой и пошел спать, поражаясь методам обучения местной воинской элиты.

Глава 10

Погода погрузила мир в серые тона, набросив на город пелену межсезонья. Вроде еще и осень, но уже не золотая. Вроде и тепло, но дни стали заметно короче. Вот и сейчас, вроде и дождь не идет, но какая-то мелкая морось водяной пылью оседает на лицо, на одежду. Утро хмурое, приглушенное, блеклое.

Вот и сигарета вымокла, плохо тянется, зараза.

На место встречи Куликов пришел первым, раньше срока. Сел на скамейку под ржавым грибом автобусной остановки. Незаметно для себя задремал, но вскоре был разбужен гулкими шагами, шлепающими по лужам.

К остановке подходили Торпеда и Борхес, переговариваясь о чем-то. С ними был незнакомый Виктору мужчина в джинсовой куртке и бейсболке.

Куликов поднялся навстречу товарищам. Обменялись крепкими рукопожатиями.

– Знакомьтесь, это Кот, – Торпеда представил Виктора, – Кот, это Эл, он из команды Скаута.

– Очень приятно, – Виктор пожал узкую ладонь Эла. Мужчина растянул тонкие губы в улыбке, приветливо кивнул. Сказал хриплым и простуженным голосом:

– Скаут говорил мне про тебя. Рад знакомству.

– А вот и наш автобус, – Борхес указал на приближающийся старенький «Икарус», который, пыхтя, затормозил у остановки, – Успели.

На конечной инсайдеры выходили в одиночестве, под рассеянный взгляд кондуктора. Пересекли грязный пятачок автобусного кольца, обогнули маленькую будку с надписью: «Диспетчерская». Эл махнул рукой, показывая дорогу, углубился в разросшуюся лесополосу.

Виктор прикинул, что они сейчас почти на границе города, в пяти километрах от Периметра. Здесь редко попадались прохожие, совсем не было видно патрулей. Кажущиеся спящими пятиэтажками были попросту заброшенными, редко где горел свет в окнах.

В конце рощицы обнаружился тарахтящий УАЗ-«буханка» с помятым бортом. Рядом с ним перешучивались, дымя сигаретами Скаут, Стэп и Бухгалтер.

– О, здорово мужики! – Скаут шагнул вперед, приветствуя подошедших. Обменялись рукопожатиями, перекинулись приветствиями. Торпеда отвел Скаута в сторону, о чем-то с ним в полголоса переговорил. Остальные в это время закинули вещи Борхеса и Виктора в машину.

Куликов присмотрелся к новым знакомым. Скаута он уже знал, тот был в хороших отношениях с Торпедой и Борхесом. Стэп, юркий, худой парень лет двадцати пяти, был себе на уме, но беспрекословно слушался своего командира группы, Скаута. С Элом познакомились поближе в автобусе, общительный и юморной мужик. А вот про Бухгалтера Виктор лишь слышал, он был четвертым в команде Скаута. Говорили, что этот невысокий мужичок в круглых очках и с мягкими чертами лица действительно был финансистом у серьезных людей, пока те не вздумали повесить на него некий долг. И тогда он, недолго думая, сорвался с места, бросив хороший дом, дорогую машину и работу, приехал в Город и подрядился таскать артефакты. Что ж, у каждого своя история попадания в Медузу.

Загрузились. УАЗ дернулся, хрюкнул и поехал прочь от рощицы, объезжая Периметр по дуге, лесом. Сегодня предстояло заходить оттуда.

Инсайдеры оживленно переговаривались, делились новостями и слухами. Виктор сначала поддерживал компанию, потом убаюканный ходом машины, прислонился боком к прохладному борту и начал клевать носом.

– Эй, ты чего? – хлопнул его по плечу Борхес, – Нормально все?

– Да, нормально, – вяло кивнул Виктор, – Плохо спал, не выспался.

– Снилось чего?

– Да нет. Какая-то тревога была, неуютно себя чувствовал.

– Ночью не просыпался? Не чудилось ничего?

– Было несколько раз. Да ерунда, Борхес, бывает. Перенервничал наверно.

Торпеда, который внимательно слушал разговор, вдруг спросил:

– Голова не болела сегодня утром?

– Нет. А что?

Торпеда пристально всмотрелся в лицо озадаченному Виктору, потом перевел взгляд на Борхеса.

– Да нет, – отрицательно закрутил головой Борхес, – Не может быть. Не мог он на вокзале ничего подцепить, там все хожено-перехожено.

Но в его голосе уверенности не чувствовалось.

– Может, объясните в чем дело? – не выдержал Куликов.

За всех ответил Скаут, успокаивающе улыбаясь:

– Не парься, Кот. Ты еще мало Медузу топчешь, чтобы приобрести набор профессиональных болезней инсайдера.

– Что, и такие есть?

– А то! – многозначительно поднял палец вверх Скаут, – Бессонница, геморрой и алкоголизм.

Эл захохотал, но его жестом перебил Торпеда, который с серьезным видом принялся объяснять:

– Мы называем ее каменным столбняком. Ученые – Atipico Tetanus. Неизученная болезнь, от которой нет лекарств и средств лечения. Поражает исключительно тех, кто так или иначе бывает внутри Медузы. Болезнь редкая, но от этого не менее страшная. Начинается все с прогрессирующей формы лунатизма. Человек ночами встает с кровати, ходит, делает какие-то вещи простые вещи вроде открывания окон или переставления мелких предметов с места на место. Утром естественно ничего не помнит, лишь ужасно болит голова.

– А потом? – упавшим голосом спросил Куликов.

– А потом человек «залипает», – просто ответил Торпеда, – Он как бы впадает в кому, весь коченеет, на ощупь становится похожим на камень. Причем, случиться это может когда и как угодно. На ходу, когда он спит, разговаривает, ест. Вот так раз – и замер, застыл недвижимо. У нас был случай в Земле, проходец один с газетой просидел весь день за столиком в углу. Все думали, что ждет кого-то, а он уже все, статуя.

– Так он сам-то понимал, что с ним произошло? – спросил Куликов. История со странной заразой ему не понравилась.

– Да нет, – Торпеда вздохнул, – Как человек «залипает», так все функции организма останавливаются. Даже мозг перестает работать. Разом.

– Забавно, – протянул Куликов, хотя ровным счетом ничего забавного тут не видел, – И как можно этот столбняк подцепить?

– Ну, есть версия, что это действие какой-то ловушки, – ответил Борхес, – Но никто не знает какой. Также есть версия, что у некоторых людей под действием неизученного излучения Медузы, изменяется свойства клеток. Но как бы там ни было, после начала симптомов дни бедолаги сочтены. Он может прожить день, неделю или год, но потом все равно «залипнет».

– А методы защиты? Что, совсем никаких идей нет? – не сдавался Виктор. Он машинально, пощупал лоб, потер виски. Нет, вроде ничего не болит.

– А как ты убережешься от того, чего не видно? – Борхес развел руками, – Никак. Это судьба, как карта ляжет. В Медузе есть ловушки явные, которые видишь и чувствуешь за версту, есть те, которые заметить трудно, но можно. А есть такие, которые ни одним прибором не определишь. Конечно, кое-что проверенно, так сказать, опытным путем. Не ходи под арками,

под стоящими буквой «л» столбами и тому подобное. Некоторые ловушки любят замкнутый контур. Да только, понимаешь сам, иной раз приходится и под арками ходить, и, как ты, по трубопроводам ползать. Выбор то невелик.

– Зашибись, – Виктор почесал небритую щеку, – Не было печали, купила баба поросю. И часто такие «залипы» случаются?

– Слышь, мужики, – не выдержал Бухгалтер, – Заканчивайте уже. И так дом нехороший, а вы тут еще атмосферу нагнетаете.

Торпеда согласно кивнул, Борхес пожал плечами, откинулся на спинку сиденья. Куликов обреченно вздохнул, хмуро уставившись в окно.

Остаток пути проделали в напряженном молчании.

«Нехорошая» многоэтажка ничем не отличалась от стоящих по соседству двенадцатиэтажных домов-близнецов, одинаковых безликих коробок, которыми так любили когда-то застраивать спальные районы. Склепанные на скорую руку, с вечно грязными, воняющими мочой подъездами, подтеками между панелями и гуляющими сквозняками. Дома, построенные без души для непритязательных жильцов городских окраин.

Фасад «нехорошего» дома покрыт керамической плиткой светло-синего цвета. Одну из боковых стен, глухую, без окон, украшал гигантский мозаичный рисунок строителя с красным знаменем. Рисунок местами осыпался, особенно не повезло лицу безымянного строителя. Торпеда молча ткнул в мозаику, мол, все верно, нашли нужное здание.

Инсайдеры сгруппировались перед подъездом, закурили. Эл завел шарманку про опасности, которые могут поджидать внутри, но его оборвали на полуслове. Скаут бросил взгляд на часы, кивнул Торпеде.

– Пора.

– Кот, пойдешь в центре, – деловито отдал приказ здоровяк, поворачиваясь к своей группе, – Борхес замыкающий. «Кирпич» захватил?

– Угу, – Борхес вытащил из рюкзака уже знакомый Виктору брусок темно-зеленого металла, который, вблизи, больше походил на кусок замерзшего пластилина. Инсайдер деловито повертел его в руках, потряс, отдал Торпеде.

– Что это за штуковина? – спросил Виктор, наблюдая за тем, как Торпеда, закатив рукав, при помощи кожаных ремешков крепит «кирпич» к запястью.

– Индикатор ловушек. Стоит дорого, польза сомнительна, – Борхес затянул рюкзак, одел его, защелкнул на груди карабины. Попрыгал, проверяя, удобно ли.

– И кто их изготавливает?

– Медуза и изготавливает. Только найти их проблемно, а забрать без скафандра защиты просто нереально.

– Потом поговорите, – прервал друга Торпеда, одергивая рукав и поворачиваясь к Скауту и его людям, которые внимательно осматривали пейзаж вокруг, – Ну что, как договаривались?

– Да, по плану, – Скаут поправил на плече автомат, указал на соседний дом, – Мы займем позицию там. Эл останется на вашей стороне, если что крикнет. Услышите выстрелы – действуйте по обстановке, на рожон не суйтесь.

Торпеда хлопнул Скаута по плечу, кивнул другим инсайдерам. Развернулся к своим, командовал:

– Пошли.

В подъезде было намного холоднее, чем на улице. В остальном – вполне обычный подъезд, с облупившейся зеленой краской и пожелтевшей побелкой. Стены тут и там были расписаны маркерами разных цветов. Кривые послания, которые призывали любить некую Марину, слушать рок и тому подобное. Поверх них, свежей черной краской, были нанесены сквозь тра-

фарет цифры. Насколько знал Куликов, это ученые присваивали номера объектам, которым следовало уделить особенное внимание. Что, в свою очередь, наводило на некоторые мысли относительно слухов про «нехороший» дом.

Они не спеша поднимались по лестнице. Миновали пустой провал шахты лифта с болтающимся, словно чей-то длинный хобот, толстым проводом. Под ногами хрустели стрелянные гильзы и куски штукатурки. Отчетливо пахло сырым мясом.

Куликов обратил внимание, что почти все квартирные двери оказались выломанными или выбитыми, но сразу за порогом начиналась неестественно густая чернота, словно непрозрачной шторой завешивающая путь внутрь. Торпеда, оглянувшись через плечо, кинул: «Увидишь такое – не вздумай заходить».

Шли с разрывом в два шага. Первым двигался Торпеда, периодически останавливаясь и прислушиваясь. За ним, напряженно осматриваясь, Виктор. Замыкал процессию Борхес, который аккуратно пятился, прикрывая спины.

Этаж за этажом, вышли на площадку третьего. И тут Виктор отчетливо стало понятно, что в подъезде они не одни. Он открыл было рот, чтобы сказать об этом, как Торпеда жестом остановил группу и указал стволом пистолета вверх. Остановился Борхес, ткнувшись спиной в бедро Куликова. Затаились.

В наступившей тишине Виктор уловил еле слышное, неровное дыхание. Странное дыхание, нечеловеческое. Быстрое, частое, с протяжным хлопаньем, словно ладонью затыкали шланг пылесоса.

Торпеда знаком показал, что продолжает движение. Виктор кивнул, два раза хлопнул по плечу Борхеса. Двинулись дальше, напряженно сжимая оружие.

На лестничной площадке третьего этажа сидела обманка, вытянув, словно кукла, вперед ноги и привалившись спиной к стене. Обманка уже почти сформировалась, приняв вид одутловатого мужчины. Голое тело было в грязи, к бедру прилип окуроч. Правая рука, которая была заметно толще левой и неестественно вывернута наизнанку, покоилась на полу, чуть заметно подрагивая.левой рукой обманка словно тряс кубики, как при игре в кости, зажав пальцы в кулак и быстро махая перед собой. Голова была откинута назад и в сторону, рот без губ открыт, нос без левой ноздри, в место нее кусок обвисшей плоти, которая вибрировала при дыхании. И ярко голубые глаза, которые, не отрываясь, смотрели на него, Виктора, часто моргая.

– Твою мать, – тихо выругался Торпеда, опуская пистолет и облегченно выдыхая, – Вот чертяга, напугал.

Он спокойно повернулся спиной к существу и зашагал по ступенькам вверх. Виктор перешагнул через вытянутую ногу обманки, не в силах оторваться от проводящего его пристального взгляда. Ему мнилось, что существо сейчас обязательно сделает что-то неожиданное, например, вцепиться в ногу или заорет благим матом. Он крепче сжал автомат и отвернулся, буквально физически ощущая буравящие спину глаза. Честно говоря, ему было сильно не по себе. Сзади чертыхнулся споткнувшийся Борхес.

Команда преодолела еще один пролет, двигаясь словно черепаха, шаг за шагом, очень медленно и аккуратно.

– Внимание, – предупредил Торпеда, останавливаясь, – По-моему, дошли.

– Вроде да, – откликнулся Борхес, – Как «кирпич»?

– Колется.

– Значит дошли.

– Без команды не стрелять. Чтобы не случилось – идите за мной. Сейчас будет немного хреново.

И сделал шаг на лестничную площадку четвертого этажа. Заскрипел песок под ботинками, Виктор увидел, как Торпеда, скривившись от боли, схватился за руку с «кирпичом». А по ушам рубанул резкий, механический, пронзительный свист, словно рядом лопнула труба

высокого давления. Куликов отшатнулся назад, зажимая уши руками. Автомат повис на ремне, цепляясь дулом за решетку перил. Сзади ткнулся Борхес, слепо налетев на Виктора. Торпеда наклонился вперед, словно шел против сильного ветра и буквально ввалился на этаж. Виктор рванулся за ним, выставив вперед правое плечо, зажмурился. Вот продавил тугое сопротивление, вырвался, споткнулся обо что-то мягкое, не устоял, упал на пол. В ушах звонко лопнула струна, свист прекратился так же резко, как и начался, хотя гул в голове затихал неторопливо.

– Чтоб тебя, – ругнулся рядом Борхес.

Виктор открыл глаза. Взгляд уперся в чью-то голую ногу с прилипшим окурком.

– Черт! – он откатился в сторону и вскочил. На полу, спиной к стене, сидела обманка, брат близнец той, что осталась этажом ниже. Или та же самая. С голубыми глазами, которые неотрывно смотрели на Виктора.

– Ты ему понравился, – хмыкнул Борхес, проходя мимо, к Торпеде. Тот сидел на корточках и потирал руку, ругаясь сквозь зубы.

– Как ты?

Торпеда поднял на него глаза, тряхнул головой:

– Терпимо. Какой-то чувствительный «кирпич» попался, еще пара таких ловушек и нужно будет руку менять, а то нервные окончания сгорят.

– Лучше чувствительный, чем заторможенный, – философски произнес Борхес.

– Согласен. Так, что тут у нас? – здоровяк поднялся, оглядываясь. Четвертый этаж был ярко освещен бьющими в узкое окно лучами солнца. В лучах кружились пылинки, поднятые в воздух людьми. Солнце буквально озаряло лестницу, ведущую на пятый этаж, преломляясь в грязных стеклах и отбрасывая на стены причудливые отражения.

– Приплыли, – Торпеда достал блокнот и начал что-то искать в нем, перелистывая потерянные страницы.

– В чем дело? – спросил у него Виктор, стараясь не смотреть на обманку, которая натужно дышала у стены.

– Думаю, как дальше идти. Лестница для нас закрыта.

– Как закрыта? – Куликов подошел к лестнице и посмотрел вверх, по пролету. Все было чисто, ни баррикад, ни преград, – По мне так все нормально.

Торпеда посмотрел на Куликова, словно учитель на нерадивого ученика:

– Кот, запомни, невнимательный инсайдер долго не живет. Что на этой лестнице не так?

Виктор еще раз, уже пристально, осмотрел ступени. Обычные ступени из серого камня, местами поколотые.

– Не знаю. Вроде...

– Яркий солнечный свет. Ты видел сегодня на улице такое яркое солнце?

– Нет.

– И я не видел. Даже если и предположить, что оно появилось из-за туч, то тогда почему его нет на этаже ниже?

Куликов пристыжено насупился, перешагнул обманку и посмотрел на этаж ниже. Серо, уныло, пасмурно. Как и должно быть, все верно.

– Это может быть опасно? – уточнил он у Торпеды.

Торпеда поднял руку, постучал пальцем по «кирпичу»:

– Он говорит, что опасно.

– Но вы же тут уже проходили, верно?

– Местность постоянно меняется, – подал голос Борхес, – Я уж и не уверен, что «глаз» все еще на месте. Но ты, на всякий случай, держись рядом, прикроем.

Виктор кивнул, отошел к стенке, чтобы не мешать.

Торпеда поводит «кирпичом» из стороны в сторону, сделал шаг к запертой деревянной двери. Прислушался. Сделал еще один шаг. К нему подошел Борхес, что-то сказал, указывая на обманку.

– Пойдем здесь, – угрюмо сказал Торпеда, указывая на квартиру с деревянной дверью. Судя по недовольной роже здоровяка было понятно, что выбор ему не нравится. Борхес лишь пожал плечами, выуживая из рюкзака фомку. И без лишних разговоров всадил ломик между косяком и дверью, надавил, налег всем телом.

Дверь хрустнула, полетели щепки, посыпалась мелкими чешуйками краска. Торпеда, перехватив пистолет двумя руками, напряженно ждал. Взмахом руки подозвал Виктора.

Какой-то нарастающий шорох тревожил слух Куликова. Какое-то шуршание, тихое-тихое.

Борхес крикнул, толкнул, дернул. Хрустнул косяк, и дверь распахнулась, жалобно скрипнув на ржавых петлях. Инсайдер поспешно отступил за спины товарищей, убирая ломик.

За дверью оказалась полутемная прихожая с прогнившим стеллажом для обуви и рваным половичком. Возле заросшего паутиной плинтуса одиноко валялся домашний тапок с заско-рузлым помпоном.

Торпеда сделал маленький шаг вперед, поводя стволом пистолета. Бряцнул автомат Борхеса.

Куликов недоуменно посмотрел на них. Шуршание нарастало, оно стало довольно громким. Неужели не слышат? Звук, словно кто-то растирает в ладонях сухие листья.

Торпеда первым шагнул в квартиру. Осторожно, готовый тут же кинуться назад, перенес через порог и вторую ногу. Борхес присел у косяка, держа на прицеле дальний угол прихожей.

Шорох нарастал, Виктора это не на шутку тревожило. Он не хотел выглядеть глупо в глазах более опытных товарищей, которые, судя по всему, никак не реагировали на приближающийся звук, но отчего же так беспокойно?

Обманка забулькала, задышала чаще, хлюпая носом. Куликов повернул к ней голову и встретился взглядом с выпученными синими глазами. И отшатнулся, внутренне холодея.

В глазах обманки стоял неподдельный, звериный ужас.

Виктор кинулся к лестнице, невзирая на предостерегающий окрик Борхеса, перегнулся через перила, посмотрел вниз.

Нечто черное, похожее на оживший ковер, волнами перетекало со ступеньки на ступеньку, поднимаясь вверх, к ним. Не то ожившее пятно нефти, не то стая сбившихся в кучу черных жуков, выпирающих буграми спин. Нечто было длиной метра три, занимало собой весь лестничной пролет, свисая волнами сбоку. Субстанция издавала шелест, быстро преодолевая подъем.

– В квартиру! – Куликов оттолкнулся от перил, буквально затащил внутрь опешившего Борхеса.

– В чем дело? – тревожно спросил Торпеда, появляясь в коридоре.

Виктор кивнул в сторону лестничной клетки. Над последней ступенью уже поднимались первые отростки-щупальца.

Торпеда чертыхнулся, захлопнул входную дверь. Борхес опрокинул на нее стеллаж, рассыпая задеревеневшую обувь.

– Что это за хрень? – Виктор указал пальцем за дверь, из-за которой доносился приглушенный хрип обманки.

– Впервые вижу, – кинул Торпеда, проходя вглубь квартиры, – В любом случае, нужно искать обходной путь.

Виктор прислушался. За дверью чуть слышно шелестело, легонечко скреблось. Но, судя по всему, ломиться в квартиру загадочная тварь не собиралась.

– Пойдем, – хлопнул его по плечу Борхес, – Забаррикадировали нормально, не должна пройти.

Квартира оказалась двухкомнатной, с длинным коридором. Пожухлые обои покрывали зеленые разводы плесени, линолеум вздулся пузырями, а в одном углу и вовсе отсутствовал, обнажая из-под резаного края серые плиты. Мебель отсутствовала, лишь шифоньер с выбитыми стеклянными дверцами сиротливо стоял у стены.

Торпеда пересек комнату, стараясь не наступать на пузыри линолеума, подошел к большому окну без рамы. Прижался спиной к стене и чуть выглянул на улицу.

– Черт, – с досадой выругался он, – Ну как назло! Институтские.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.